

Александр Карнишин

Ксенокс и фобос

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Александр Карнишин

Ксенокс и фобос

«ЛитРес: Самиздат»

2015

Карнишин А. Г.

Ксенос и фобос / А. Г. Карнишин — «ЛитРес: Самиздат», 2015

В стране, похожей на нашу, в большом областном центре, похожем на существующий, вплоть до улиц, реки и географических названий и событий вокруг них, произошло что-то непонятное. В городе каждый день пропадают люди, а сам город как бы отделился от всей страны невидимой и совершенно прозрачной стеной. Вернее, границей. Да вот только перейти через нее, войти в город можно, а - выйти? Содержит нецензурную брань.

Ксенос и фобос

*– Видите ли, в то время я уже верил в
Посещение, но я никак не мог заставить себя поверить
паническим корреспонденциям о горящих кварталах,
о чудовищах, избирательно пожирающих стариков и
детей, и о кровопролитных боях между неуязвимыми
пришельцами и в высшей степени уязвимыми, но неизменно
доблестными королевскими танковыми частями.
А. и Б.Стругацкие. Пикник на обочине*

*Ксенофобия (от греческих слов Xenos (чужой) и Phobos (страх) –
навязчивый страх перед другими людьми, а также ненависть,
нетерпимость к кому-либо или чему-либо чуждому, незнакомому,
непривычному.*

Пусть это будет прологом, хоть и не рекомендуется начинать книгу со сцены похмелья

Просыпаться было очень тяжело и болезненно. Просыпаться было просто мутно и тошно. Во рту буквально саднило от сухости – видимо, храпел всю ночь, лежа на спине, открыв рот и закинув голову за подушку. Шею ломило. Наверное, от того же. Голова кружилась, даже лежа, не двигаясь. Глаза упорно отказывались открываться – веки были тяжелыми и как будто даже шершавыми изнутри.

«Приехали уже, что ли?»

Поезд где-то стоял, и видно давно уже, потому что слишком тихо и пусто было в купе, в котором еще вчера вечером они так душевно пообщались с какими-то командировочными из столицы.

– Вставай, сука! – и чем-то твердым в бок.

Ох... Это еще что такое? Больно же!

Василий с трудом открыл глаза и уставился в верхнюю полку, пытаясь сфокусировать взгляд. Голова сразу закружилась еще сильнее.

– О-о-ой..., – простонал он.

– Что, падла, может, похмельиться тебе принести-подать? Встать, я сказал!

Огромная волосатая рука с засученным серым рукавом собрала рубаху на груди, скомкала, и стащила его на пол между нижними полками. Перед глазами все поплыло, внутренности подскочили к горлу, зашевелились где-то сразу под кадыком, и с большим трудом удалось оставить их где-то внутри. Судорожно сглотнув, Василий тяжело поднял глаза от грязного коврика, в который уткнулся носом. Перед ним возвышались две пары высоких черных ботинок, переходящих еще выше в мешковатые темно-серые форменные брюки. Осторожно, стараясь не мотнуть головой, он как жук повозился, неуклюже переворачиваясь на спину, присел на корточки...

– Ох, блин...

– Это он, он, – испуганно зашебетала за спинами крупных мужиков в форме и с короткими автоматами, выглядевшими какими-то игрушечными в их здоровенных руках, проводница, еще вечером умильно улыбавшаяся подвыпившим мужикам, радушно приглашающим ее в свое купе.

– Документы! Эй, ты, чмо похмельное, документы какие есть? Слышь, ты!

– Ша-а-а..., – сухой язык совсем не двигался. Губы потрескались от жажды. Что же они вчера такое пили-то? Ядреное такое... Термоядерное, черт его... И почему все ушли, бросив его одного? Или же он так был пьян, что даже разбудить не смогли? Что вообще происходит? И почему здесь милиция? Проводница, видать, вызвала? Вот ведь гадость-то какая...

– Побыстрее, – раздался скучный голос из коридора. – Поторопите его, ребята.

– Ых-х-х..., – только и смог выдохнуть Василий, когда твердый носок ботинка метко врезался прямо в копчик. – А-а-а! Больно же!

– Шевелись, козел! Документы есть?

– Вот, паспорт..., – механически вытянул, с трудом повернувшись к дверям, из кармана висящей на вешалке куртки кожаную обложку, протянул не глядя в сторону двери.

Пролистали быстро:

– Ага, точно, наш клиент. На выход!

– А что, собс-с-сно, случилось?

– Вперед, говорю! Заждались уже, мать твою!

– Вещи... мои... Ик! – Василий стыдливо прикрыл рот рукой, пытаясь одновременно другой приподнять полку.

– Забудь, – пинок в бок. – Забудь, м-м-мать... Бегом! Бегом, сказано!

Пинками и тычками его выгнали в коридор и, толкая все время твердым и каким-то острым стволом автомата в спину, погнали к выходу. Проводница юркнула в соседнее купе и выглядывала оттуда испуганной мышкой.

Василий, покачиваясь от стены к стене в узком коридоре, перебирал ногами «на автомате», так же автоматически нашаривал рукава наброшенной второпях куртки и одновременно пытался хоть что-то понять. Что случилось-то этой ночью? Почему – милиция? И вообще...

Поезд стоял не у вокзала, а где-то, вроде, на сортировочной, что ли. Рельсы разлиновали серыми параллелями большую площадь. Стояли рядом еще какие-то составы. И у каждого стояла милиция. Выводили под серым мелким дождем каких-то людей, грузили в два небольших автобуса с закрашенными белой краской окнами, и один уже резво тронулся с места, клубя пылью и соляркой. В другой впихнули Василия. Стоявший в проходе милицейский чин что-то черкнул в своей тетради, толкнул его молча на свободное место на переднем сидении, еще раз окинул взглядом наполненный тихими молчаливыми людьми автобус, крикнул сидящему в конце автоматчику:

– Смотри тут! – и выскочил.

Вместо него вошел один из тех, что гнали Василия, и присел на верхнюю ступеньку. Двери закрылись, автобус сразу тронулся.

– А что тут такое? Что случилось-то? – шепотом спросил Василий у соседа.

– Молчать! Не разговаривать! – тут же откликнулся милиционер, пошевелив со значением стволом автомата.

Пролетев на скорости станцию – точно, Сортировочная! – автобус повернул направо, к лесу.

Поезд за их спинами дернулся, лязгнул сцепками, гуднул коротко и плавно двинулся вперед, к мосту через Каму, продолжая свой маршрут. Через полчаса, а то и всего через двадцать минут он остановится у вокзала, люди потянутся к выходу, их будут встречать родственники...

Так его же будут встречать!

– Товарищ сержант, – приподнялся с места Василий. – А как же – вещи-то мои? И потом, меня же встречать... Ох!

Удар в спину перешиб дыхание. Поскуливая на выдохе от боли, он сполз на сидение.

– Всем молчать! – проорал подошедший сзади автоматчик. – Молчать, мать-перемать, а то я сам не знаю, что с вами сделаю! И ничего мне за это не будет, с-с-суки!

– Сядь, – лениво бросил, поднимаясь со ступенек в салон, сержант.

Он встал в проходе, придерживаясь левой рукой за поручень. Правая крепко держала автомат, направленный на бывших пассажиров поезда.

– Для информации. Запомните: с этого момента вы в нашем праве. Мы – ваши командиры и ваши защитники, – спокойно и размеренно, без улыбки, которая была бы принята за издевку, а все сказанное – за глупую шутку, чеканил он слова. – Если бы не мы, то еще неизвестно, что и как с вами было бы. Но и мы здесь не каменные... Поэтому, сказано вам молчать, значит – молчать. Скажем, кричать – закричите. Ясно?

Все молчали, смотря на него с испугом и непониманием.

– Да-а-а... Совершенно необученный народ... Ну-ка, тормозни, – повернулся он к водителю. Тот послушно остановил автобус.

– Еще раз спрашиваю: ясно? – левой рукой направил ствол автомата прямо в лица, обращенные к нему, а правой громко, напоказ, щелкнул предохранителем.

– Ясно, ясно, – закивали торопливо бывшие пассажиры поезда.

– Не вижу ясности, – поскущел лицом сержант. – Будем тренироваться, пока не достигнем консенсуса. Всем ясно?

– Яс-но! – хором, как в школе.

– Ну, слава богу... Я уж думал – совсем идиёты тупые... Тронулись!

И автобус, плавно тронувшись, быстро набрал скорость, удаляясь от населенных мест.

Василий тупо смотрел прямо перед собой, мучаясь от тяжелого похмелья, мешающего нормальному течению мыслей. Но это же не сон! Синяк теперь будет во всю спину, это точно – к доктору не ходи. И от пинков тоже... Переворот, что ли, какой-то, пока ехал? Но с чего бы? Или как в кино – налет на поезд, что ли?

Он приезжал в свой город два раза в год из Москвы, в которой «зацепился» за работу, и из которой пока не собирался уезжать. Приезжал, потому что родители стали уже старыми, и каждый их день рождения мог стать последним. Вот и в этот раз зимой он приезжал к отцу, а теперь, в июне, к матери.

Погода, как и обещали в прогнозах на эти дни, была не жаркая. В переднее стекло автобуса начал моросить мелкий дождь, почти туман, стекая по краям и мешая увидеть, где же проезжают. Но Василию погода вовсе была не интересна. К родителям он ехал не отдыхать, почти как на работу. Надо было сидеть, улыбаться, выслушивать в тысячный раз истории о болезнях и жалобы на старость, утверждать, что ничуть они не постарели, убеждать их, что у него все хорошо, успокаивать, веселить...

Старший брат всегда встречал его на вокзале, рассказывал последние новости. И кого он теперь встретит там, на вокзале, когда поезд подъедет? Они же почти доехали! Это же практически его родные места! Холмы, сосны эти. Станция. До нее же пешком иногда доходили от дома, когда гуляли пацанами по окрестностям.

Василий повернулся, было, опять к соседу, так же мрачно смотрящему куда-то в пространство, но на его движение тут же среагировал сержант. Он с интересом, наклонив по-собачьи набок голову, посмотрел на Василия, шевельнул со значением рукой с автоматом, и тот снова молча уставился перед собой: должны же они – кто это «они», интересно? – когда-то им объяснить, что и как случилось. И почему с ними вот так? И вообще...

Часть 1. Зима

Глава 1

Вот слева пристань Закамск. Это уже заречный Кировский район Молотова. Вдоль берегового яра далеко уходит сосновый бор. Но присмотритесь: сосны остались только у самого берега, а дальше, вглубь, все занято кварталами жилых домов, цехами предпри-

ятий. Кое-где сосны гуще, под ними расположены либо дома дачного типа, либо легкие постройки пионерских лагерей. Там, где сосняк кончается, возле пристани Нижняя Курья – дом отдыха. ...

Вот над Камой отчетливо вырисовались пролеты железнодорожного моста, построенного более полувека назад. И до него, и сразу после него справа от нас берег занят причалами промышленных предприятий. Дым фабричных труб стелется над рекой.

Путеводитель «Волга. Кама. Ока. Дон»

Город был не то чтобы очень уж большим по нынешним временам, но и маленьким его никто не называл. Настоящий промышленный центр, почти «миллионник». Кое-кто из жителей поговаривал, что он площадью перекрывает некоторые известные столицы, но точные данные об этом (мол, в пять раз больше, скажем, Амстердама или в три раза – Брюсселя) никто никогда не обнаруживал. Кто-то сказал даже, что только Москва больше по площади – но кто их мерил и сравнивал? Некоторые считали также, что город и длиной своей уступает в стране разве лишь одному Волгограду, что весь, как кишка, вытянулся на юге отсюда вдоль Волги, а в ширину был при этом всего-то метров пятьсот. Ну, и еще Сочи, говорят, был длиннее. Но что там за город, этот Сочи? Набор курортных поселков с блестящими витринным стеклом корпусами санаториев и гостиниц вдоль галечных пляжей кавказского побережья Черного моря.

В Молотове скучные жилые массивы из стандартных серых еще маленковских пятиэтажек сменялись глухими бетонными заборами промышленных зон, те вдруг утыкались в настоящий плотный сосновый лес, чуть ли не посреди города, а дальше шли кварталы одно- и двухэтажных деревянных черных от времени домов, которыми ранее был застроен весь город. Потом снова лес, снова дороги, снова промзона, вдруг квартал или два современных высоток, сверкающих отмытым стеклом, а рядом с ними, почти под окнами – какие-то огороды, сараюшки и дачки. Если смотреть сверху – такая разлапистая конструкция из пятен кварталов среди зелени леса, связанных тонкими нитками дорог.

И если где-то в другой местности горожане признавали друг друга за земляков и вместе горло драли за «наш город – культурная столица края!», то дома, встречаясь ненароком, распознавали «своих» по устоявшимся прозваниям отделенных рекой и лесными массивами районов: с Гайвы, с правого берега, с Мотовилихи, с Центра, с Парка... Правобережные еще говорили о себе «с первой (второй, третьей) зоны», и жителю одной зоны болтаться без дела в другой совсем не рекомендовалось – могли и побить. Но все зоны объединялись, если речь шла о том, чтобы «стукнуться» с левобережными, с «городскими».

Правый и левый берег Камы соединяли три моста – два автомобильных и железнодорожный. А кроме того летом можно было добраться из центра «на тот берег» с помощью речного трамвайчика – небольшого ярко раскрашенного теплохода, медленно и не часто, раз в час-полтора примерно, довозящего до пристани на песчаном пляже у подножия высоких ярких на солнце рыжестьвольных сосен напротив центральной набережной тех, кто никуда не торопится. Но это бывало только летом, только при хорошей погоде, в школьные каникулы. А в обычное время большинство заозерских, скажем, или тех же гайвинских ездили в центр только по случаю большого праздника, или еще, если надо было пройтись по магазинам перед новым учебным годом, потому что магазинов на левобережье было традиционно в разы больше.

Димка Карасев был как раз с Гайвы, из самых крайних домов, первых, начала пятидесятых годов, когда строители сдавали ГЭС и расселяли по квартирам персонал, а Ирина – со старой Мотовилихи, откуда исторически пошел весь город. Поэтому познакомиться они могли только случайно. Или вот так, как это бывает чаще всего: они просто вместе учились в одном институте.

В июне закончились выпускные экзамены в школе, и уже на третий день после выпускного вечера (на второй-то день никто и не думал просыпаться) Димка поехал в центр – еще местные говорили о таких поездках «в город» – чтобы подать документы в приемную комиссию.

В школе, когда спрашивали его, куда пойдет, он пожимал плечами, потому что и правда еще не знал. Но чем ближе был выпускной вечер, тем яснее становилось, что на престижные специальности в университет или в политех ему просто не попасть. Уезжать от матери он тоже не думал. А так – средний ученик, средние отметки в аттестате – куда ему? В армию, разве что ли? И тогда он вспомнил о своей любви к истории и историческим книжкам, и стал готовиться в «пед».

Друзья смеялись:

– Ты что, правда, в школе работать хочешь?

А он просто знал совершенно точно, что если не поступит в этом году, то не поступит уже никогда и никуда. Уже осенью его могли забрать в армию, потому что восемнадцать ему исполнялось в ноябре. А в педагогический институт парней всегда брали с охотой. Вот и отвез документы на исторический факультет. Постоял у старинного здания под огромными тополями с листьями на нижних ветках, размером с настоящие лопухи, послушал разговоры такой же «абитуры», заполнил анкету, приложил аттестат...

А потом были экзамены, пролетевшие как-то очень быстро и почти незаметно.

История была первым экзаменом, а сочинение писали в самом конце. Он почему-то совсем спокойно, без нервов, сдал все на «четверки», и так же спокойно, до конца еще не поняв и не осознав случившегося, доложил матери, что все в порядке – поступил.

Мать «поднимала» его одна. Это она так говорила – «поднимала». Ну, конечно, ей было тяжело. Одной приходилось тащить работу и дом, кормить-одевать. Димка все это понимал. Но все равно как-то отношения у них не складывались. Не было той любви, которую он с завистью наблюдал в семье у друга Лёшки. Ну, не интересно Димке было с матерью. И слушать раз за разом, как все и везде плохо и трудно, как тяжело жить, какой гад его отец, которого он и не знал вовсе, как все в магазинах дорого, как на нем, на Димке, все буквально горит, а денег опять же нет, как все вокруг воруют, а они вот честные...

Честные, да бедные. В общем, он с детства старался быть почаще один. И она давно привыкла, что видит сына только поздно вечером или рано утром.

Узнав, что Димка поступил, она купила бутылку дешевого вина, приготовила праздничный ужин, и сидела до самого вечера, ожидая возвращения сына и названивая по телефону всем знакомым и родственникам, хвастаясь радостно:

– А Димка-то мой, какой ведь молодец, а! Поступил, ага. Учителем теперь будет. Или даже директором, как Орлов (это она о директоре Димкиной школы). Что? Нет, сейчас-то нет его еще. Он в библиотеке сейчас. А вечером-то мы праздновать будем, ага. Обязательно будем. Я понимаю, конечно, что вам некогда... Но если что – вы приходите, ждем ведь.

Конечно, как обычно никто не пришел. И вечером они вдвоем тихо распили бутылку сухого импортного вина и съели маленький круглый торт, сидя перед старым телевизором, сообщившем в местных новостях о начале очередного ремонта одного автомобильного моста.

С осени Димка начал ежедневно ездить на автобусе (или на автобусах, если приходилось делать пересадки) в свой институт. Учеба была делом привычным и по школьному немного скучным. Лекции, конспекты, домашние задания, чтение учебников и книг по теме, ранние подъемы, невсыпания, дрема в толкучке автобусов, прижавшись к поручню. Иногда Димка ловил себя на том, что засыпает на лекциях. Даже на любимой раньше истории! Просыпаясь внезапно, вздрагивая, вскидывая голову, видел перед собой раскрытую тетрадь с каким-то почеркушками вместо записей и длинной линией вниз – это, наверное, когда он совсем уже засыпал.

После учебы, если была хорошая погода, он спускался по узкой улочке к набережной и вдоль реки, мимо литой чугунной решетки, пешком шел к мосту, где долго стоял на остановке, «ловя» свой автобус. Тем, кто жил в общежитии, было удобнее, но местным, своим, общежитие не давали.

Если погода была плохая, а осенью, зимой и весной так бывало обычно (бывало так и летом – здесь ходила шутка, что, мол, лето все-таки было хорошее, но в тот день как раз все работали), он задерживался в библиотеке, конспектируя очередной том из заданных к прочтению книг. Потом ехал к тому же мосту на трамвае, и опять ждал своего автобуса, чтобы, потолкавшись немного, повиснуть в нем на поручне и доехать до дома.

Дома обычно ждала к ужину мать. Она садилась напротив, смотрела, как он ел, и все пыталась поговорить, поспрашивать, как там и чего у него. Спрашивать ей было трудно, потому что сама она закончила только школу и больше нигде и никогда не училась. Поэтому большинство вопросов было о дороге, о здоровье – «голова не болит?», о погоде «в городе»... А после того, как отпраздновали узким кругом его восемнадцатилетие сразу после Дня милиции (приходили два друга – Лешка тоже поступил, но в университет, а Мишка провалил вступительные и теперь работал, дожидаясь повестки в военкомат), она среди вопросов все чаще, раз за разом, стала закидывать удочку насчет красивых девушек.

– А что, Дим, у вас же девочек-то больше, наверное, чем парней в группе?

– Больше, ага. Раза в два, – кивал он, ковыряясь вилкой в жареной картошке.

– Красивые девчонки-то?

– Симпатичные.

– А чего ты их не приглашаешь в гости-то? Пусть бы пришли, а я бы пирог вам испекла.

– Мам, ну, ты мне поешь-то хоть дашь спокойно? И потом, они тебе совсем дуры, что ли? Чего они такого тут забыли, чтобы с города ехать на Гайву нашу?

– А у меня для тебя другой квартиры в городе-то нету! – тут же начинала она обижаться и мокреть глазами.

– А я и не прошу ничего такого! – вскакивал он из-за стола и шел «делать уроки».

И так почти каждый день.

Красивые девчонки были. Как им не быть – красивым? Педагогический, да медицинский, что через пару кварталов от него, были настоящими цветниками распускающихся после школы красавиц. Только Димка-то понимал, что для них, для девчонок, он, гайвинский пацан в простеньком костюме, что еще от школы остался, в светлой рубашке, которую менял через день, в узком неярком галстучке, совершенно не интересен. Хорошо понимал. И если бросал на них взгляды, на красивых, то сам от них ничего не ждал. Да и некогда было ждать чего-то – учиться надо было, и дорога еще занимала часа два, а то и все три каждый день.

В ноябре сразу после дня рождения он получил повестку и сходил в военкомат, в Левшино, на левый берег, отнес справку из института, что учиться на дневном. Там поругались, что поздно принес, погрозили, что вот сейчас погонят на сборный пункт, но все-таки сделали какую-то пометку в личном деле и отпустили. А во дворе уже строили в колонну призывников, чтобы вести их на вокзал.

Потом была зимняя сессия, и Димка сдал ее неплохо, без «хвостов», а поэтому стипендия, хоть и небольшая она, но осталась и на вторую половину года. Стипендию он приносил домой и клал в деревянную шкатулку на комод. А потом из нее же брал ежедневно деньги на дорогу, да на обеды.

Мать была им довольна, и везде хвасталась на поселке, что, вот, мол, и не ждала вовсе такого, а Димка-то такой умный у нее, что ведь учиться и учиться, не то, что некоторые. За «некоторых» было обидно, потому что Мишка, с которым дружили с раннего детства, теперь работал простым электриком в ЖЭКе и все ждал повестки. Его должны были забрать весной, в апреле или в мае.

Еще мать почему-то сразу после Нового года стала сильно нервничать, если сын где-то задерживался. Они там, у нее на работе, трепали с такими же тетками языками, и получалось по их сплетням, что в городе было как-то все очень не покойно, и люди вроде стали часто пропадать, и ужасы всякие... Она пыталась поговорить с Димкой об этом, но он только смеялся и совсем не понимал, что ей же не за себя – за него страшно.

А потом у Димки появилась Ирина.

Она вошла в аудиторию на второй паре и присела впереди на свободный стул. Зима, традиционно все одеваются в темное, и весь зал, вся поточная аудитория, был от этого как будто в сумерках. И вдруг сразу стало светло-светло от белого пушистого свитера с широким горлом и от ярко-рыжей гривы волос, ничем не закрепленных и создающих какой-то огненный ореол вокруг небольшой фигуры. Так светло и солнечно стало, что Димка не заметил сам, как стал улыбаться во весь рот, почти так, как обычно улыбаются дети солнцу, внезапно проклюнувшись сквозь мрачные черно-синие тучи.

После звонка, извещавшего о начале долгожданного перерыва в лекциях, она решительно пошла к последним столам, повернула к Димке, встала перед ним во весь рост, выпрямилась и даже вытянулась, чуть ли не на цыпочки поднялась, чтобы выглядеть выше, и очень вежливо и строго спросила:

– А почему это вы надо мной смеетесь?

– Я? – только и смог переспросить ошарашенный парень, не догадавшись даже привстать с места.

– Ну, не я же... Вы все смотрели на меня и все смеялись. Почему?

– От удовольствия, – неожиданно для себя сказал он правду. И вдруг вскочил, засмущавшись и покрасневшись. А она снизу вверх посмотрела на него веселыми серо-зелеными глазами из-под рыжей челки и сказала:

– Мужчина, а не угостите даму кофе?

Вернее, она сказала так – «кофэ-э-э-э», немного в нос, как будто по-иностранному. Это было смешно и одновременно очень приятно почему-то.

Они сбежали со следующей пары и гуляли вдвоем по морозному Компросу – Комсомольскому проспекту, тянущемуся от реки вверх поперек города. Забегали погреться в частые кафе и чайные. В городе были еще Большевицкая и Коммунистическая улицы, был проспект Ленина, и вообще он, город этот, считался пролетарским, «чистым». Он еще и полузакрытым был. Хоть поезда ходили исправно, и самолеты летали, но иностранцу сюда путь был заказан. Военная промышленность, испытательные полигоны, секретные лаборатории, о которых знали все...

Они гуляли, сначала просто толкаясь плечами, но потом Ирина (ее звали Ирина! Она сама спросила его имя и сама, первая, не дожидаясь вопросов, назвала свое!) взяла Димку за руку, и до конца дня они прошагали так, держась за руки, как в детстве, ничуть не устав от долгой прогулки пешком. И говорили, говорили, говорили...

Он узнал о том, что она брала академический отпуск (правда, не спрашивал, почему так вышло, постеснялся). А она в подробностях узнала о его жизни до института.

Зимой темнеет быстро.

В семь Ирина вспомнила, что пора бы домой, что дома ее ждут строгие родители. Вернее, строгим был отец, скривила она унылую мордочку. А Димка сразу увязался провожать, потому что просто не мог вот так взять и расстаться. Так вот просто, раз – и разойтись. И они не сели на трамвай, а пошли пешком, то толкаясь, чтобы согреться, прыгая на одной ноге, то играя в снежки, то устраивая бег наперегонки. Ей надо было к Мотовилихе, в новые кварталы на круче, где он никогда не был, и только видел их, проезжая на автобусе по противоположному берегу.

Она устроила ему настоящую экскурсию, показывая те места, что были связаны с ее детством и жизнью «до института».

По темным улицам между еще более черных в окружении белых сугробов старых деревянных двухэтажных домов они два часа шли до рынка. Потом она дала Димке сотовый телефон, потому что у него просто еще не было своего. Ну, просто не хватало у них с матерью на это денег. И он позвонил домой, и предупредил маму, что придет очень поздно. А она, мама, спрашивала настороженно, трезвый ли он, и с кем гуляет, и по какому поводу, и где, и радовалась, что он не один вот, а с девушкой, видно. Но сказала, что все равно будет ждать, все равно не уснет, пока не дожидается его.

По длинной-предлинной улице-лестнице вверх, туда, где сквозь расступившиеся тучи стало видно яркие на завтрашнюю солнечную погоду звезды. По хрустящему от вечернего мороза снегу мимо высоченных башен в двадцать четыре этажа – у себя на Гайве Димка таких еще не видел – к кварталу кирпичных особняков в окружении металлической ограды. Именно особняков, потому что назвать такие дома модным словом «коттедж» можно было только в насмешку. Двух и трехэтажные дома с балконами, лоджиями, эркерами, с одним или двумя подъездами, с широкой каминной трубой над крышей...

Ирина приложила брелок к кнопке замка на высокой железной калитке. Щелкнул металл, Димка рывком открыл, чтобы пропустить «даму» вперед, но она шагнула в сторону, смеясь, уступила ему дорогу:

– Ты гость. Тебе – первая очередь.

Он зашел в расчищенный от снега двор под яркий свет фонарей и остановился в растерянности – куда дальше? А дальше уже она вела его, прихватив за рукав. Направо, потом налево по дорожкам между высокими сугробами. Вот в тот подъезд. Тяжелая даже на вид стальная дверь. Опять электронный замок. Опять щелчок. Хорошо смазаны петли – дверь открывается легко, без скрипа. Ирина тянет его дальше, и Димка переступает порог, а дверь мягко и тяжело защелкивается сзади.

Тут темно и неожиданно очень тепло после долгой морозной прогулки. Небольшая площадка у дверей и сразу лестница наверх.

– У нас второй этаж, – шепчет Ирина, прижавшись к нему спиной. А он слегка приобнимает ее сзади и осторожно прикасается холодными с мороза губами к рыжим волосам на затылке. И замирает так, впитывая ее запах. И она – тоже замирает. А потом медленно поворачивается к нему, прижимается всем телом, запрокидывает голову, и уже ничего нельзя сделать, как только наклониться и коснуться губами губ. И еще раз. И еще. Губы сразу теплеют, как будто распухают даже, горячая волна бьет в голову, простые касания становятся поцелуями, а она вдруг со стоном повисает на нем. Димка подхватил ее, маленькую, легкую, приподнял, и посадил, радуясь своей силе, на перила. Теперь их лица были на одном уровне, дыхание смешалось, ее руки скользили уже у него под рубашкой – когда успел расстегнуть куртку, он уже не помнил. А его губы, оторвавшись от ее губ, спускаются короткими поцелуями на шею, он лицом окунается в распахнутый воротник, одной рукой дергая вниз молнию ее куртки. Она снова стонет и вдруг начинает дрожать. Это страшно, такого с Димкой еще не было, он не понимает, в чем дело, и подхватывает навалившуюся на него девушку. А Ирина, обхватив его руками и ногами, виснет на нем, дергается вдруг, и сползает вниз. И просто упала бы на пол, если бы он ее не подхватил опять.

– Я тебя хочу, – стонет она и даже как будто извиняется шепотом. – Очень хочу. Прямо сейчас. Здесь и сейчас.

Но тут вдруг открывается дверь на втором этаже, и из падающего на лестничную площадку света раздается мужской голос:

– Может, уже пора, Ирина? Домой – пора? Сколько же можно...

– Черт, черт, черт, – с ненавистью шепчет она. – Как же меня задолбало всё... Мент поганый – все слышит, все знает!

И кричит туда, в свет другим, веселым голосом:

– Иду! Сейчас уже иду!

Дверь закрывается, но не до конца, и в щель падает узкий луч света из прихожей, немного разгоняя темноту в подъезде. Глаза Ирины светятся отраженным светом, сияют, когда она смотрит на Димку.

– Завтра, Дим, ладно? Завтра мы снова увидимся. Я... Я с ума сойду или от стыда или от желания, если тебя не увижу. Ты приходи завтра в институт, а там..., – и она еще раз целует его в губы, по-взрослому, по-настоящему, так, что у него самого ноги слабеют, и голова сладко кружится, а потом отскакивает, делает два шага вверх по лестнице, останавливается и машет: иди, иди уже! Ты – первый!

Димка нащарил за спиной кнопку на замке, вышел на улицу, но еще долго стоял под вкопанной на газоне большой елью с остатками новогодних игрушек, пытаясь отдышаться. Сердце бухало, в ушах шумело. Было жарко. Он смотрел вверх, пытаясь угадать окно ее спальни, но ни одно окно так и не зажглось. И тогда Димка ушел.

Еще когда они гуляли, она спрашивала, как он доберется, если что, и он ее обманул, сказал что сядет на такси или поймает частника. Какое такси? У него денег оставалось только-только на автобус. Но время автобусов давно прошло, стоять на морозе – холодно, и он пошел домой пешком. Километраж примерно представлял, потому что карту города видел не раз. Вот теперь можно проверить, как это – пешком зимней ночью десять километров.

Димка шел по совершенно пустой улице, энергично отмахивая одной рукой, держа вторую в кармане. Потом руки менялись местами – замерзшая пряталась в карман, а согревшейся махал при ходьбе. Шаги он делал широкие, да еще старался почаще, так что холодно ему не было – было все еще жарко. Одно плохо – быстро задыхался и уставал. Приходилось останавливаться у попадавших на пути автобусных остановок, присаживаться на скамейки, задирали ноги вверх, чтобы кровь отлила, а потом снова – раз-два, раз-два, раз-два.

Уже у самого моста, сразу за плотиной, его догнал какой-то самосвал, то ли из припоздненных с работы, то ли, наоборот, из самых ранних уже, притормозил:

– Куда, студент?

– На Гайву! Вон, сразу на въезде!

– Ну, садись, подкину хоть за мост.

И все равно вышло почти три часа. Или даже больше. Но вот и первая автобусная остановка в поселке – она как раз перед домом, за ней направо по знакомой тропинке, во дворы, к первому подъезду. Осторожно, чтобы не переколотить весь дом, он ковырялся длинным «гаражным» ключом в тяжелой недавно повешенной на подъезд железной двери, когда от стоявшей с погашенными фарами во дворе машины подошел милиционер:

– Документики ваши можно?

– А? – дернулся в испуге Димка – уж больно внезапно это было. – Да-да, конечно.

Он расстегнул куртку, повозился в карманах, достал паспорт, который всегда носил с собой – мать настояла и проверяла ежедневно, не забыл ли. Милиционер – старший лейтенант, рассмотрел звездочки Димка – взял паспорт, но не стал его даже раскрывать:

– Пройдемте в машину. Темно тут у вас.

– Да тут была лампочка, но, наверное, опять алкаши разбили, – вроде как извиняясь говорил Димка, двигаясь за ним.

Перед открытой дверцей он помешкал, посмотрел еще раз на горящее желтым светом окно кухни на третьем этаже – там мама, она сидит одна и ждет его. Волнуется.

– Ну, садитесь уже! – поторопил старший лейтенант.

Димка сел на заднее сидение, где кто-то уже был. Тут же за ним влез еще кто-то, тесно прижав его, дверца захлопнулась, заработал включенный двигатель, зажегся на мгновение свет.

– Он?

– Он!

Машина рванула с места, и как будто не приходил Димка к своему дому, как будто и не было его у родного подъезда.

Глава 2

Подразделения специального назначения (спецназ) – специально обученные подразделения государственных разведывательных и контрразведывательных служб, [армии](#), [авиации](#), [флота](#) и [полиции](#) ([милиции](#)), личный состав которых имеет высокую боевую, огневую, физическую и психологическую подготовку, в задачу которых входит решение специфических боевых задач силовыми методами в чрезвычайно экстремальных условиях.

Материал из Википедии – свободной энциклопедии

...Другие заводы дают различные станки, оборудование для шахт, сельских гидростанций и нефтяных промыслов, строят суда, экскаваторы. Молотовский домостроительный комбинат поставляет разборные дома в рабочие поселки угольных бассейнов страны. Молотовский завод имени Дзержинского...

Завод имени Орджоникидзе выпускает суперфосфат, а также химикаты для борьбы с вредителями сельского хозяйства.

Путеводитель «Волга. Кама. Ока. Дон»

Совет Европы начал расследование утверждений Белграда о том, что во время войны в Косове албанцы похищали сербов и продавали для донорских целей внутренние органы похищенных, сообщает радио "Свобода".

– Вон он, туда побежал, гаденыш!

– Вали его!

Разгоряченные погоней, сталкиваясь плечами, они рванули налево, где мелькнула куртка «черного». Черт его знает – таджик он или туркмен, или узбек какой-то. Говорит с акцентом, боится. А раз боится...

Ну, и еще дело было в девчонках. Компания спортивно одетых молодых ребят сидела со своими девчонками на скамейке в парке, попивала не торопясь ядовитую смесь из водки и сладкого персикового сока.

Было достаточно тепло, снежки лепились крепкие и упругие. Снежками этими пытались попасть по фонарю высоко над головой, но только облепили весь бетонный столб белой сыпью попаданий. А тут еще идет какой-то непонятный тип мимо. Обходит по большой дуге их, таких веселых, шумных, горячих... Странно. Боится, выходит. Слово за слово. Он – ноги делать. Они – за ним.

– Черт, да где же он?

– По следам смотрим, ребзя, по следам!

Даже в темноте следы в сугробах, наметенных за месяц, видны были хорошо. Компания рванула дальше. Догнать! Что делать потом, когда догонят – а это уж наверняка, не зря же они в качалку ходят вместе – еще не думали. Ну, поучить немного надо, наверное. Попинать, может, немного «чурку».

Они с шумом проломились сквозь кулису кустов, рванули дальше, цепляясь на крутых поворотах за сосновые стволы, злясь все больше на неуловимого, зайцем мечущегося по парку.

Еще через час, плюнув на все, девчонки с руганью побрели домой. Выпивка и закуска закончилась, ухагеры-кавалеры так и не появились, мороз к ночи крепчал...

Заявление в милицию о пропаже пришло от родителей ребят только через три дня, как положено.

– Ну, и кто у вас разрабатывал эту операцию? Опять твой аналитический отдел со штабными оперативниками, небось? – скептически хмыкнул, не отрываясь от окуляров бинокля, невысокий и худощавый на вид спецназовец.

– Нет. Я им что-то не доверяю последнее время. Есть у меня информация некоторая, и мнение такое у меня сложилось, что у нас где-то наверху – протечки, – хмуро пробурчал, не вынимая сигареты из угла рта широкий как шкаф Кириенко. Он был в такой же черной куртке, как его собеседник. Только серая каракулевая шапка, выглядывающая из-под наброшенного черного капюшона, показывала на его звание. – Понимаешь, гнилью какой-то сверху тянет... Вот, чувствую я что-то, носом чую, подозреваю, а вот что...

– Да, мне-то что – гниль ваша. Чувствует он... Будет команда, мы и управление быстро в порядок приведем. И кого угодно. Не впервой. Вот лично мне – не впервой. Команды вот только пока нет, – не поворачивая головы, парировал спецназовец. – Это вот что у тебя тут на карте? В бинокль не видно.

Оба склонились над картой под прозрачным пластиком в офицерской сумке.

Штабная машина с высокой антенной стояла за пригорком, невидимая снизу, от проходной, а два офицера стояли на самой круче под деревом, не торопясь, с остановками и рассуждениями, рассматривая лежащий внизу завод и сравнивая увиденное с картой.

Завод был очень старый, еще довоенной постройки. Стандартный бетонный забор в два с половиной метра, такая же стандартная колючка в пять рядов поверху. Черно-красные кирпичные корпуса за забором. Побеленная, с большими окнами проходная. Перед центральной проходной, как голова богатыря в «Руслане и Людмиле», хитро улыбался из-под кепки бетонный товарищ Серго.

Раньше-то, в «старые времена», завод, как считали все в городе, работал только на войну. К нему регулярно подходили эшелоны, после разгрузки которых местная пацанва щеголяла перед «соседями» из других районов кусочками и кусками и даже иногда настоящими кусочками красного фосфора, подобранными на насыпи под путями. Их гоняли, но всю насыпь за забор не заведешь, и на каждом метре охраны не поставишь.

Обратно, от завода, под плотной охраной регулярно уходили короткие составы в два-три вагона или несколько цистерн.

– Фосген повезли, – уважительно говорили местные. И на все возражения людей со стороны, не местных, не знающих ничего, показывали на оранжевый хвост дыма из высокой трубы посреди завода. – Фосген это, а что еще!

Еще они утверждали, что популярная одно время песня про оранжевое небо, оранжевое море и так далее оранжевое – была написана именно об этой местности.

– Вон и море у нас здесь свое, Камское. И небо оранжевое. И земля такая же.

Вообще-то фосфор при производстве фосгена не используется, а производить там могли, скорее всего, зарин или зоман. Но не будет же местная власть говорить об этом населению!

Тем более, что большинство, а вернее сказать, практически все заводы промышленного города Молотова в той или иной мере работали тогда на армию, на оборону. Это именно отсюда пришел анекдот, облетевший всю страну, о том, как с велосипедного завода таскал мужик детали, чтобы собрать сынку дорогую складную «Каму». Но как ни соберет – все почему-то пулемет получался.

Постепенно, с переориентацией всей промышленности, с переходом на мирные рельсы, завод перестал пускать регулярные длинные хвосты красивого на фоне неба ярко-оранжевого дыма из главной трубы. И трава вокруг завода потихоньку ожила и вновь позеленела. И цвет земли вокруг стал – землистым, как положено. До того был он ярко-красным и местами даже

фиолетовым, и по той земле босиком ходить не рекомендовалось. А популярную шутку насчет того, что желтый снег есть нельзя, понимали в округе совсем не так, как везде.

Дыма оранжевого не стало, по фасаду заводу управления вытянулись рекламные щиты разных фирм, арендующих в нем офисы, но сам завод продолжал работать, не прогорал, не продавался никому, и регулярно, как по часам, из боковых ворот тепловоз вытаскивал очередной короткий эшелон готового продукта.

Теперь весь город говорил: сельхозудобрения делают, аммофоску в поля повезли.

– Так. Там, слева – Вторчермет, да? Он, что, тоже охраняется? Чтобы металлолом не свистнули?

– Охрана-то есть, но чисто для вида, формальная. Два человека ночью сидят вон в том вагончике у ворот.

– Ага. Значит, выходит, у них с этой стороны как будто два забора и еще двойная охрана, если не вдумываться в ее качество... Это понятно. Значит, твой план – именно здесь, слева?

– Ну, да. А иначе-то никак. С реки их сейчас не взять, потому что берега обледенели, не пролезешь. С фасада? Это просто объявить о себе прежде времени, значит... Справа – там нефтебаза, а за ней сразу автозаправка. Не дай бог, стрельба будет – ох, тогда весь город осветим.

– Ну, ладно, с этим ты меня убедил. А что и как внутри? Разработка была? Сколько времени? Что твои аналитики говорят?

– Да, какая там, к чертям собачьим, разработка? Ты что? Тут штурм унд дранг нужен, пока не разбежались, как тараканы! Я и сам пойду вместе с твоими!

Спецназовец повернул, наконец, голову, оторвался от бинокля:

– А вот этого нам не надо. Не хватало мне тут еще отцов-командиров в строю...

– Не командиром, ты что! Бойцом! Я могу, я в форме! Не поверишь – даже справка у меня есть, – хмыкнул Кириенко.

– Да знаю я, знаю, что в форме ты... А вот, если что?

– Ну, ты мои основания тоже знаешь, – нахмурился, глядя исподлобья, полковник.

– Что, неужели надеешься еще? Извини, извини...

– Пока живу, сам понимаешь. Вот ты бы сам, если бы так, а? Что бы делал?

– Не знаю... Ладно. Ты командуешь операцией, тебе и карты в руки. Хочешь бойцом – иди бойцом. Только броник натяни обязательно. Иначе не пуцу.

– Спасибо.

– Спасибо скажешь, если все получится. Штаб оставляем тут, на горке?

– Да, по плану – тут.

– Резерв?

– Резерв лучше высадить после начала операции прямо у въездных ворот, у проходной. Пусть там постоят, поотвлекают внимание, а заодно и близко им будет, если что.

– И еще троих, говоришь, направо? – прикидывал спецназовец количество бойцов.

– Да можно бы и четверых даже. Если есть у тебя. С приборами ночной видимости, с пулеметом. Пусть делают там страшно, пусть пугают всех, кто попытается выбраться в ту сторону. Главное – не пропустить к бакам с бензином. Постреливать изредка по забору, отгонять.

– Значит, повторим в последний раз: первая группа обезвреживает охрану Вторчермета и прикрывает продвижение второй через ограду завода. Так? Затем они объединяются и широким бреднем прочесывают территорию. А в это время, под шумок на заводе, группа захвата по-над берегом проскальзывает в темноте в самую середочку, во-от сюда, куда ты указал, – палец командира ОМОНа постучал по карте. – Я, значит, на связи, иду с резервом. Ты, я так понял, с группой захвата хочешь. Я ведь правильно все понял?

– Да. Сбор по плану в двадцать ноль-ноль. В двадцать один ноль-ноль начинаем.

– Ну, вроде, все правильно. Поехали тогда к нам на базу.

Серый невидный «уазик» без лишних опознавательных знаков, урча, съехал с кручи по наискось проложенной дороге на трассу и быстро умчал командиров через весь город на базу.

В принципе, этот выезд на местность был чистой проформой. Завод всем известен, все карты и схемы тоже давно изучены, план операции подписан и на нем проставлена нужная печать. Да и мотивы полковника Кириенко были всем хорошо известны.

В городе еще в прошлом году поговаривали сначала на бытовом уровне, а потом и в местных желтых листках, что исчезновения людей, изредка случающиеся, – дело рук неведомых похитителей, охотящихся за человеческими органами с целью их продажи за границу. В каждом городе каждый год пропадают люди. Сотни и тысячи. Иногда они находятся. Иногда их находят. Чаще – нет. Форма заявления о пропаже человека была привычной, и дежурные в отделах милиции не заморачивались особо, принимая такие заявления.

Но после Нового года заявления о пропажах вдруг пошли в местную милицию просто косяками. А тут еще по центральному телевидению как нарочно показали сюжет о подобной банде «похитителей тел» в одном южном городе. И не то чтобы заявления о пропажах людей поступали прямо очень уж часто, но – значительно чаще обычного. Статистика говорила, что-то не то творится в городе.

В общем, аналитики в управлении походили вокруг карты, понавтыкали булавок с красными головками, и оказалось, что заявления в этом году поступали уже практически во все районные отделения милиции, и везде стали глухим «висяком». И по адресам или местам пропажи – тоже равномерно все распределялось. Вся карта города постепенно покрывалась красной болезненной сыпью. И только в верхнем углу карты было небольшое белое пятно. Тут пропаж, вроде бы, не случалось. Во всяком случае, заявлений не было. Или было значительно меньше. И это было странно.

Завод «разрабатывали» бы еще долго, обложив его техникой, собирая информацию, внедряя агентов, но как раз внезапно пропала дочь начальника аналитического отдела управления. Очень странно пропала – буквально с порога собственной квартиры. То есть, без всяких преувеличений – с порога. Им были нажаты все кнопки и рычаги, сказаны все слова, подтянуты дружеские отношения и деловые связи, и на базу спецназа полковник Кириенко приехал с нужным ему документом.

Бойцы на базе отдыхали. Только караулы у ворот и по углам ограждения следили за окружающим простором. Раньше тут был ведомственный санаторий для легочников, но потом он был закрыт из-за недостатка финансирования, чуть не развалилось все, а в девяносто пятом всю его территорию отдали местному СОБРу. Теперь здесь «жил» спецназ.

По плану реформирования армии, который был принят еще в конце пятидесятых, огромная неповоротливая мощная машина, предназначенная для отпора агрессору и захвата территорий, постепенно заменялась небольшими мобильными, вооруженными новейшим оружием и укомплектованными лучшими бойцами, группы специального назначения, располагавшиеся во всех областных центрах. Остальная армия, сократившаяся более чем втрое, стала как бы огромной школой, через которую пропускали ребят-срочников, отсеивая тех, кто оставался в войсках на сверхсрочную, а то и на всю жизнь.

За годы и годы медленной реформы (а чем больше аппарат, тем труднее его модернизировать) спецназ уже показал свои качества. Прибалтика, Молдавия, Средняя Азия, Кавказ – везде они были первыми, и возникавшие очаги напряженности гасились малой кровью. Вернее, так: гасились кровью – но малой.

Полковник Кириенко лежал на койке, распустив ремни амуниции и скинув обувь. Он не спал, хотя поспать было необходимо. Он не спал по-настоящему уже две недели, с того момента, как дочь не вернулась со свидания. Вернее, она дошла до дома, и он даже слышал ее голос на лестнице. А вот до своих дверей Ирина так и не дошла. Или ему все это показалось? И голос ее, и слова, что уже идет?

«Эх, Ирина!»— он помотал головой по жесткой быстро нагретой подушке. Единственный ребенок. Любимая дочка, которой многое прощалось. Настолько многое... Ну, почему он тогда не вышел к ней? Почему не затащил силком? Мало ли что там могло быть. Не зря же пришлось уже один раз оформлять академический отпуск по состоянию здоровья, когда он дочку сам, силком, увез в закрытый наркологический санаторий. Ох, и кричала она тогда на него. Ох, и ненавидела. Но потом, вроде, опять успокоилась...

Кириенко после ее внезапной пропажи пустил в ход все свои связи, он поднял на ноги всю агентуру, он до сих пор надеялся, что она где-то близко, что она еще жива. Потому что время, вот оно, потому что все надо делать быстро. И плевать ему было, что никого из пропавших, из тех, кто по заявлениям, пока не нашли. Он искал не всех – свою единственную дочь.

Ревун прозвучал как всегда неожиданно.

По коридорам топали тяжелыми ботинками спецназовцы, забегали в оружейку, получали оружие и патроны, тут же заряжали, пробегали дальше. Через полчаса в большом туристическом автобусе с затемненными окнами спецназ получал задание:

– Внимание! Объект – Кислотный завод. Входим через Вторчермет. Группа первая – Иванов.

– Я!

– Все твои с тобой. Задача: обезвредить охрану Вторчермета, прикрыть проход второй группы на территорию завода. После того, как они переберутся через ограду, присоединиться к ним. Позывной – Альфа.

– Есть!

– Группа два – Кузькин.

– Я!

– И его мать..., – отчетливо прозвучало сзади под общий хохот.

– Мужики, ну вы уже достали, ей-богу. На задание идем, не на учебу, мать вашу! – обернулся обиженно Кузькин, и все опять покатались с хохоту.

Командир сделал паузу, приподнял ладонь, успокаивая бойцов.

– Тишина. Дело серьезное, мужики, не учеба – честно говорю.

– Наконец-то. А то разжирили тут уже...

– Кто сказал – разжирили? Лежнев? После выполнения задания – два наряда вне очереди.

– Есть два наряда!

– И спарринг.

– За что, товарищ майор?

– За «за что», боец.

– Есть, спарринг.

Теперь все сидели молча и слушали указания.

– Вторая группа под прикрытием ивановских ребят преодолевает ограду и рассредоточивается вдоль нее. После подхода первой группы создаются парные патрули и идет зачистка местности. Шумная зачистка, с топотом и стрельбой. Чтобы, как зайцев, всех гнали перед собой! Ясно?

– Так точно!

– Позывной – Бета.

– Есть!

– Группа три. Старший – прапорщик Мартичук, – майор уважительно назвал по званию только одного, опытнейшего и умелого. – Твой позывной – Захват. Понял, Степан?

– Понятно, товарищ майор, не впервой, – степенно прогудел огромный шкафообразный старослужащий.

– В третьей группе – боец Кириенко. Он доведет нужную информацию и укажет цели.

– Есть, – приподнялся полковник с места. Его обмундировали, как всех, и теперь он ни звездами своими, ни каракулем не отличался от таких же крепких спецназовцев.

– Товарищ майор..., – приподнялся Мартичук.

– Степан, так надо. Потом я тебе все объясню.

– Есть, – немного обиженно прогудел Мартичук. Давние отношения с командиром позволяли ему знать заранее новости. А тут – такое. Неизвестный боец в спаянной группе. Но – команду надо исполнять.

– Но если что..., – поднял он ладонь-лопату.

– Степан, всё, как обычно. Он в полном твоём подчинении.

– Есть.

– Оперативный штаб с рацией и выходом на город – на круче над заводом. Я – с резервом. Все остальные – со мной. А теперь, внимание всем! По оперативным данным мы идем на базу похитителей людей, – командир сделал долгую паузу.

– О-о-о... Ух, ты-ы-ы... Ну, наконец-то.... Так, все правда, значит... Народ-то говорил... И по телику не зря показали..., – зашевелились, загомонили спецназовцы, за ежедневными тренировками заскучавшие по настоящему делу.

– Всем понятно? Поэтому действовать надо быстро, максимально жестко, но без лишних жертв, поняли? Нам нужны люди, контакты, свидетели, документы. Заводи, – бросил он водителю и присел на откидное сидение, на котором в другое время сидела бы симпатичная молодая экскурсоводша.

Узик со связью и с операторами штаба вылетел вперед, и короткая колонна пронеслась по темному зимнему городу. После нескольких дней с морозами и ясными днями и ночами погода не подкачала: густо шел снег, крупные хлопья ложились мягко, быстро покрывая дорогу. К ночи заметно потеплело.

Перед переездом легковушка приняла вправо, из нее выскочил оперативник, подбежал к будке обходчика, и автобус резко затормозил перед опустившимся вдруг шлагбаумом. Из него быстро и бесшумно выгрузились первые две группы спецназа, тут же рассыпавшиеся в кустах вдоль насыпи, а потом темными теньями парами перебежавшие к бетонному забору Вторчермета. Вот, были вроде какие-то люди в черных куртках с капюшонами – а вот, и нет их уже, только автобус какой-то стоит у переезда, ожидает, когда пройдет электричка и поднимут шлагбаум.

– Собак здесь нет?

– А кого тут охранять собаками? Чушки чугунные? Рельсы? Вон, в вагончике охрана.

– Вперед!

Четверо подскочили к дверям вагончика, замерли на мгновение, тут же раздался треск отжимаемой двери, и первая двойка ворвалась в ярко освещенное тесное помещение, взяв под прицел двух мужиков в пятнистых комбинезонах, распивающих чай и поглядывающих в маленький черно-белый телевизор, бубнящий какие-то новости.

– Сидеть! Не двигаться! Спецназ!

Зашедший за ними еще один боец спорно связывал за спиной руки опешивших охранников капроновым шнуром.

– Оружие у вас есть?

– Да вы что, мужики? Это – Вторчермет! Вы что, наркоторговцев тут ловите, что ли? – хохотнул было тот, что выглядел покрепче, побывалее, что ли, но тут же свалился на пол с табуретки, выбитой из под него.

– Лежать! Отвечать ясно и тихо: оружие есть?

– Н-н-нет, – запинаясь, произнес второй. – Не положено нам.

– Связь?

– Телефон вот у нас...

– Ложись!

Охранник послушно упал на грязный пол, и был быстро связан спина к спине со своим товарищем.

– Связь – рвать!

– Есть!

С крыльца была дана отмашка, и вторая группа спецназовцев, сосредоточившаяся под бетонным серым забором, привычно, как на тренировке, начала переправляться через него, помогая друг другу.

Еще пара минут, и на дворе Вторчермета не осталось никого.

Как раз в это время поднялся шлагбаум, и автобус покатило дальше по трассе, приближаясь к проходной завода.

– Альфа на территории. Бета на территории. Захват готов, – почти одновременно прозвучало в рации командира.

– Штаб?

– Штаб на месте!

– Начали! Мы уже на подходе.

Прямо у бетонной головы автобус притормозил, и из него высыпалась резервная группа во главе с командиром, тут же становясь в какое-то подобие строя, колонной по двое. А автобус рванул дальше, выпустив на следующем перекрестке еще троих в странного вида шлемах с ручным пулеметом и автоматами в руках.

Площадь перед заводом была ярко освещена, и появление вооруженных людей перед проходной не могло остаться незамеченным. Засуетилась охрана, закрывая стеклянные двери на железные скобы, вдруг громко и заунывно зазвучала сирена.

– Шумим, братцы, шумим, – командир, спокойно прикурив и выиграв еще несколько секунд, выдохнул дым первой затяжки и медленно двинулся вперед. За ним по двое в ряд двигались его бойцы, ошестившиеся стволами в разные стороны.

– Штаб, – проговорил он, слегка повернув голову к микрофону, – доклад!

– Пять минут. На территории тишина. Наши идут по плану.

– Что от вас видно?

– Охрана носится, товарищ майор, свет включили у проходной.

– Ну, это так и должно быть. Смотреть и докладывать, если что.

– Не в первый раз...

– Не понял.

– Есть смотреть и докладывать!

– Ишь, расслабились у меня, – пробормотал командир, поднимаясь по ступенькам. Подняв руку, он вежливо постучал в толстое мутное стекло двери рукояткой пистолета. Оглянувшись, одобрительно кивнул головой, видя, что бойцы резервной группы уже подтянулись парами под стены, встали возле дверей, готовые прыгать в окна, не закрытые решетками, врваться в двери. Найдя взглядом урну, метко щелчком отправил туда окурок, и снова постучал.

– Чего надо? Здесь режимное предприятие!

– Спецназ. У нас задание. Откройте, пожалуйста, двери, – вежливо проговорил он в щель.

Сирена, продолжавшая нудно выть, вдруг замолкла. И в наступившей тишине как взрыв прозвучала начавшаяся плотная стрельба где-то в центре завода, ближе к берегу.

– Штаб, что там, вашу мать?

– Командир, ребята в засаде! Там с двух сторон пулеметы, похоже!

– А-а-а, блин, полковника мать-перемать! Ломать все! Вперед, спецназ!

Под звон посыпавшихся стекол двое скакнули в окна, кто-то дважды врезал по крайней двери кувалдой, потом еще, его тут же оттерли в сторону, и два автомата расстреляли дверь в стеклянную пыль, сквозь которую в проходную тут же кинулись фигуры в черном.

Очередь в потолок:

– Лежать, суки, всех положим! Лежать, говорю!

И мимо лежащих охранников, по лежащим охранникам, по рукам, по головам, под крики от боли, они кинулись туда, где стрельба становилась все ожесточеннее, где сейчас гибли их товарищи.

– Командир, сзади! – раздалось в наушнике.

– Что за...

На площадь перед заводоуправлением выпрыгнули из темноты два БТР и замерли, наставив стволы пулеметов на проходную. Из той же темноты показались медленно идущие грузовики, из которых в открытые задние борта прыгали и тут же рассыпались вдоль площади с оружием наизготовку фигуры в защитном с темно-красными, почти черными в темноте погонами на плечах.

– Прекратить огонь! – раздался громовой голос из динамиков по всей территории завода. – Всем немедленно прекратить огонь! Мы начинаем войсковую операцию!

– Черт... Это что еще такое?

– Командир, из города еще колонна грузовиков!

– Да куда же это мы влезли? Спецназ, к бою!

Спецназовцы бросились к окнам, но тут задергались, задвигались пулеметные стволы, загремело, посыпались стекла из всех дверей, и тот же голос прокричал:

– Приказываю лечь, руки за голову! Иначе начинаем огонь на поражение!

Стрельба в центре завода тоже вдруг затихла.

– Альфа, Бета, Захват, что? – тихо прошептал майор, выдвигаясь через разбитые двери на площадь.

– Здесь Альфа. У нас потери, командир. Захвата больше нет.

– Бета. Командир, мы в жопе. В полной жопе.

Навстречу майору, стоящему на крыльце, от оцепления вышел молодцеватый подтянутый,двигающийся, как на пружинках, подполковник:

– Подполковник Клюев, – махнул он рукой у виска. – Сложите оружие и выходите на площадь невооруженные и по одному.

– Мы – спецназ, – с горечью, уже понимая, что случилась какая-то совершенно невероятная, нелепая и от того еще более страшная ошибка, протянул спецназовец. – Майор Сидорчук.

– А нам – так хоть сам Кремлевский полк. По одному, без оружия. Иначе никакого спецназа в нашем городе просто не будет. Мне тут с вами разбираться некогда. Мое дело – объект сохранить. Все понятно?

– Слушай, Клюев, у меня там раненые...

– Раненым окажут помощь. Возвращайся, майор, и выводи своих. Но без оружия. И без ваших там шуток спецназовских. Я тебя очень прошу.

Сидорчук опустил голову. В наушнике вдруг тонко запищало и сразу – как ватой забило.

– На горе твои были, майор? – полковник прикоснулся пальцем к такому же черному наушнику со спиралькой провода, уходящего куда-то за спину.

– Мои.

– Ну, там без стрельбы обошлись, так что успокойся. Давай, выводи, наконец, свой спецназ.

Майор медленно возвращался к своим, тяжело думая почему-то только об одном: и чего он такой чистенький, наглаженный такой, этот Клюев, и сапоги-то у него, блин, хромовые начищенные, аж блестят...

Глава 3

Перед музеем – сквер, где установлен бюст Д. Н. Мамина-Сибиряка; отсюда вглубь города ведет широкий бульвар Комсомольского проспекта. ...

...На углу улиц Карла Маркса и Большевикской – дом, в котором некогда останавливался Радищев. В 1917 году, как об этом свидетельствует мемориальная доска, в том же доме помещался Пермский Совет рабочих, крестьянских и солдатских депутатов.

Направляясь по улице Маркса в сторону Камы, мы заглянем в примыкающий к улице Комсомольский сквер. В его центре в 1954 году открыт памятник В. И. Ленину.

В глубине сада – здание Государственного ордена Трудового Красного Знамени театра оперы и балета.

Путеводитель «Волга. Кама. Ока. Дон»

– Коля, вынеси ведро! – голос матери был сух, и по тону ее было ясно, что она очень и очень чем-то недовольна.

– А чо – я-то? – уныло пробасил Колька, не поворачиваясь от компьютера, на экране которого как раз развернулось меню установки «демки» новой игры. – Чо такое-то, чуть чо-то – так сразу я? Я тут не один живу, между прочим...

– Коля, ты весь день просидел дома, ничего не делал.

– Ну, я же болею, типа.

– Да, в школу-то ты не ходил, а вот у компьютера сидеть...

– Ну, мам... Ну, чо ты сразу – у компьютера, у компьютера...

– Ты весь в своего отца! – почти закричала, выйдя из кухни в коридор, мать. – Он тоже может сидеть целый день на диване, задницы не оторвав ни разу! Вам бы только жрать и телевизор свой смотреть!

– Тань, ну, Тань, ты, это... – предупреждающе приподнялся с дивана отец.

– Мам, да ладно, вынесу я. Чего тут нести-то, – вмешалась, выглянув из спальни, дочь. – Колька пусть дуреет дальше за своим компьютером.

Она еще и голосом подчеркнуло презрительное «своим».

– Дочка, ты одна мне тут помощница, – чуть не расплакалась мать.

– А чо это – дуреет? – начал было Колька, но тут же заткнулся, увидев отцовский кулак.

Оля, недавно пришедшая из школы, открыла дверцу под мойкой, выволокла помойное ведро, полное до самого верха, возле дверей скинула шлепки и сунула ноги в ботинки.

– Я не закрываю! – крикнула из коридора, ставя замок на защелку.

– Хорошо-хорошо, – откликнулся из комнаты отец. – И вообще нечего закрываться, когда я здесь, – бормотал он уже тише себе под нос. Устал уже ругаться по этому поводу: и кого они все время боятся, все время запираются от кого-то, если он – здесь?

Через пять минут из кухни раздался грохот и крик матери:

– Оля! О-ля! Да куда же ты ведро-то дела? Мне мусор выкидывать надо!

– В коридоре, небось, – предположил в полголоса Колька, не отрываясь от монитора. – Выкинула мусор, и оставила ведро там, под дверями.

Отец, вздохнув, отложил газету, поднялся с дивана и отправился на кухню, «помогать».

– Тань, так, нету тут ведра, в коридоре-то...

Он толкнул дверь, и она легко распахнулась на лестничную площадку.

– И дверь чего-то не заперла... А она вернулась хоть, нет?

– Как это... Что? – мать показала на пороге кухни. – Оля не вернулась? Беги, козел старый, ищи девку-то!

Мусоропровод был выше и ниже их лестничной площадки. Отец, как был, в носках, метнулся к лестнице, глянул вниз сквозь частую решетку, закрывающую лестничный проем, потом в три прыжка поднялся вверх. Через минуту он вернулся с пустым ведром в руках.

– Вернулась она?

– Так нету же!

До вечера он с сыном, которого внезапным увесистым подзатыльником оторвал от компьютера, бегал по всем знакомым, выскакивал на улицу, спрашивал соседей и прохожих, а поздно вечером мать с опухшими от слез глазами, несмотря на все уговоры подождать еще немного, набрала двузначный номер на диске старого телефона.

– Даша, зайди, пожалуйста, ко мне! – выглянул в курилку заместитель редактора. Дашка дисциплинированно затушила сигарету – все равно уже почти докурила – и, скорчив потешную рожицу остающимся коллегам, скрылась за дверью кабинета.

Курилка была устроена так, что была постоянно на виду, если смотреть от дверей редактора или его заместителя, расположенных напротив друг друга. Молодежная газета традиционно не имела больших площадей: коридорчик, который она занимала, начинался с дивана и столика с пепельницей, всегда полной окурков, и заканчивался окошком в торце старого дома, выходящим в темный двор городского издательства. Всего кабинетов было четыре: редактор и заместитель сидели отдельно, а все журналисты, работающие «в штате», в оставшихся двух, делили их с техническими работниками – курьером, корректором и секретарем. Раньше, говорят, было еще машбюро в отдельном помещении, куда носили свои тексты, которые писали от руки, но теперь на каждом столе стоял хоть и старенький, но рабочий компьютер, и каждый сам набирал и готовил свои материалы.

Даша Аникина своего стола не имела. Она была внештатницей. Училась в педагогическом институте, на дневном, а подрабатывала, пописывая короткие заметки и новости в единственной газете, где ей нашлось место.

Честно говоря, она и не пыталась пробиться в другие издания, понимая, что в партийную газету не вышла возрастом, в официальную комсомольскую – своей полной аполитичностью. С тех пор, как в комсомол перестали принимать целыми классами, как было еще в детстве ее матери, становились теперь комсомольцами только те, кто потом хотел связать свою жизнь с политикой. Карьеристы – так себе объясняла Дашка. Ну, и в крупные ежедневные издания, типа городской «Звезды», ее тоже не брали – нет диплома.

Вообще-то, сказать, что здесь ей «нашлось место» тоже было трудно. Место ее было почти всегда в курилке рядом с очередным отошедшим от рабочего места журналистом. Она рассказывала им свежие студенческие анекдоты, ругала «преподов», в лицах представляла уличные сценки... Но это – когда она прогуливала занятия или когда появлялась какая-то «тема», которую можно было попытаться развить и протолкнуть в очередной номер.

В этот раз тема у нее была просто убойная. С такой темой можно было не бояться критики более опытных коллег. Пусть местами и не слишком грамотно, тут она и спорить бы не стала, но зато вышло самое настоящее журналистское расследование!

– Даша, ты что, хочешь, чтобы нас прикрыли? – ласково улыбаясь, тихим голосом спросил Петр Николаевич, старый заместитель редактора. Уже вся редакция по десятому разу обновилась, уже редакторов тоже не меньше десяти прошло через газету, а заместитель редактора всегда был один – Петр Николаевич Корнилов. Один раз его фамилия и инициалы не позволили сделаться редактором, но и посадить не посадили, потому что было уже совсем другое время, когда не сажали за фамилию. Потом пришли еще более другие времена, когда фамилия была почти как орден, но редактором он все равно так и не стал. Традиционно после каждой смены городского руководства редактора присылали откуда-то со стороны, а Петр Николаевич так же традиционно сначала представлял новому редактору коллектив, а потом занимался подбором новых кадров после разгона старых. Сам же он умудрялся работать в газете при любой власти.

Со злости поговаривали некоторые, бывало, после первой бутылки, распитой в компании журналистов, что Петр Николаевич не просто так тут сидит заместителем редактора, совсем не просто так. И рассказывали анекдот, как вышел он, глянул строго на штатного фельетониста, Володьку Кленина, сидящего после планерки в курилке с дежурной сигаретой, спросил строго:

– Володя, что вы делаете?

– Думаю, Петр Николаевич, – спокойно ответил Володька. И получил тогда совет на всю журналистскую жизнь:

– Володя, не надо думать! Надо писать!

Скорее всего, это был именно анекдот, потому что специалистом Петр Николаевич был отличным, и всю работу газеты знал досконально.

С Володькой тоже была еще одна история. Когда пришел очередной новый главный редактор, перед планеркой разговаривал он со своим заместителем. Корнилов тогда напомнил, что скоро будет седьмое ноября, и надо бы возложить цветы к Ленину (к тому памятнику, что в сквере у театра).

– А Кленину-то зачем цветы? – удивился тогда редактор, смотря в список сотрудников.

Хотя, это был точно анекдот, потому что кто мог это слышать, кроме редактора и Корнилова? И кто мог потом рассказать об этом в коллективе?

А теперь Дашка, в своем черном суконном пальто, похожем на матросский бушлат, черных джинсах, черных тяжелых сапогах, с черными тенями под глазами, и даже губы, казалось, были покрашены у нее черной помадой, непонимающе хлопала глазами:

– Не поняла-а-а, – протянула она с непередаваемой интонацией мультяшной Масяни. – Вы чо, Петр Николаич? Как это – прикрыли? Да я же за нашу газету, я ж, вы знаете...

– Патриотка, значит? Хорошо. Это вот ты принесла мне?

– Ну, я, – кивнула Дашка, видя на столе Корнилова знакомые листы. – Но ведь верняк, Петр Николаич! Это – верняк! Я сама там везде была! Это такое...

– А вот теперь слушай меня, девочка... Я постарше тебя немного буду, поумнее может быть чуток, слегка даже поопытнее. И вот что я тебе скажу: этот материал, – заместитель редактора положил руку в старческих сухих морщинках на распечатку. – В нашей газете опубликован не будет.

– Ой, Петр Николаевич, да вы никак испугались чего-то? – насмешливо прищурилась Дашка.

– Я? Нет, я не испугался. Я просто говорю тебе: это, вот то, что ты принесла, опубликовано у нас не будет. Во всяком случае, пока я сижу в этом кресле.

– И что, думаете, кроме вас никто не возьмет? Это же бомба! Это же такая, блин, бомба!

– Дурочка... Ах, какая же ты дурочка еще..., – поправил очки седой заместитель редактора считающейся в городе немного «желтоватой» газеты. – Бомбы – они ведь взрываются, понимаешь? А осколки – они ранят. И иногда даже убивают.

– Поня-а-атно. Боитесь. Вы – боитесь, – кивнула Дашка. – Дайте мне материал обратно.

– Не дам, девочка. Бомбы детям нельзя.

Петр Николаевич Корнилов, шестидесятилетний заместитель редактора молодежной газеты, смотрел ясными глазами на молодую студентку, чувствуя всю правоту своего опыта и своего положения.

– Не дам, не дам... Иди, девочка, иди в свой институт. Учись.

Дашка сначала просто опешила. Она стояла, вытаращив глаза, открыв рот – такого просто не ждала. Так же давно не бывает! Не то сейчас время!

– Вы что думаете, у меня на компьютере ничего не сохранилось? Вы не понимаете, что ли?

– Все, все уже... Поговорили. Позиции выяснили. Иди. Иди, пожалуйста, – голова заместителя редактора уже опустилась к макету очередного номера газеты. Он был очень занятой. Очень-очень.

Дашка выскочила из кабинета и была встречена дружным хохотом трех курильщиков.

– Что, Даш, пропесочил тебя наш генерал?

– Почему – генерал? – ошарашено замерла она, сбита с мысли.

– У-у-у... Да ты еще и не грамотная! А еще – будущий педагог...

– Да, какой же я педагог, бро? Я ж там только за диплом учусь! Генерал... Трус он – генерал ваш! Обычный трус и этот, как его, перестраховщик, – выскочило из какого-то старого фильма запомнившееся словечко. – Ну, ничего, ничего, – махнула она кулачком в сторону закрытой двери, – я и в другую газету могу. Вон, в «Вечерку» или в «Компаньон» – им как раз к выборам...

– Каким выборам, ты что, Дашунь?

– А что, нет разве сейчас никаких выборов? Ну, будут же все равно!

Она рассерженным черным ангелом слетела на первый этаж, пнула тяжелым ботинком ни в чем не повинную дверь, выскочила на крыльцо, вдохнула морозный воздух.

От стоящей во дворе черной «Волги» подошел молодой симпатичный улыбчивый мужчина:

– Даша? Аникина? Я прав?

– Ну, да, я... А вы кто? Мы знакомы, что ли?

– Нет, не знакомы, но давайте будем знакомиться, я из управления государственной безопасности. Капитан... – и неразборчиво назвал фамилию. – Вот мои документы, – он сверкнул раскрытой красной толстенькой книжицей с фотографией и цветной печатью. – А вот и машина – за вами. Надо поговорить.

Это только так говорится: мол, не то сейчас время. А на самом деле страх перед органами живет у всех в костях, в суставах, в спинном мозге, в дальней памяти. Он давно уже на генном уровне руководит всем организмом. Ослабевшим голосом Дашка спросила:

– А что? То есть... А за что, собственно?

– Вас, Даша, приглашают на профилактическую беседу. Есть такой вид работы нашего управления. Прошу, – уверенно протянутая рука не позволила ей придумать ничего другого, как подать свою, и спуститься королевой с невысокого крыльца, не споткнувшись ни разу. У машины уже открылась задняя дверца. Дашка растерянно оглянулась, но у заплывающего и усеянного окурками сугроба рядом с крыльцом, где стояли обычно знакомые мужики из издательства, не было сегодня никого. Она нырнула в машину, рядом сел этот молодой и симпатичный. Хотя, не такой уж он и симпатичный – рассмотрела она поближе. Да и не такой уж, похоже, и молодой.

А дальше все было как в тумане. Быстрый проезд по городу. Как будто светофоров и перекрестков нет – без остановки. Серое здание в конце проспекта. Ворота с выпуклыми щитом и мечом с задней стороны квартала, двор, проход по каким-то длинным и почему-то совершенно пустым коридорам.

Дашка вдруг поймала себя на том, что с совершенно придурочным видом, буквально высунув по-школьному язык, она подписывала какую-то бумагу, выводя за росчерком полностью имя, отчество и фамилию.

– Ну, вот и хорошо, – ловко выдернули листок из ее рук. – Теперь мы можем побеседовать.

– А чой-то... Чой-то вы тута дергаете? – она перешла от волнения на тот говорок, который был ее маской в трудных ситуациях. Бывало, и на экзаменах помогало: преподаватели морщились и ставили тройку «деревенской дурочке».

– О-о-о... Извините. Я думал, вы уже все подписали...

– Чего это я подписала-то?

– Подписку, всего лишь подписку. Я взял у вас подписку о неразглашении. Так что не бойтесь, это не согласие на сотрудничество, – усмехнулся сидевший за столом тот, что еще недавно казался ей молодым и симпатичным.

– А можно тогда вопрос?

– Конечно!

– Что, там поговорить нельзя было?

– Нельзя, конечно. Надо же оформить все, как положено. Бюрократия, понимаете? Опять же, подписка, – он отвечал, одновременно заполняя какой-то бланк. – Ну, вроде, все. Так, говорите, настоящая бомба, да?

– Что, уже сигнал поступил? – понимающе прищурилась она.

– Какой сигнал, Дарья Александровна! – всплеснул руками капитан. – Вы так шумели в городе своими розысками и расспросами, что я почти все уже знаю. Чуть ли не весь текст могу восстановить. Осталось только понять, как и что вы интерпретируете.

– А что, нельзя было? Информацию собирать – нельзя? А как же закон?

– Смотря, что вы имеете в виду. Если там имеется информация личного характера – вы не имеете права ее публиковать без согласия личности. Если информация закрытого характера – без допуска и разрешения соответствующих органов.

– Да, какая там закрытая? Я же с ними с обоими училась вместе! Они на год всего младше шли!

– Так, – заглянул он в простую картонную папку. – Вы имеете в виду Ирину Кириенко и Дмитрия Карасева? Я правильно вас понимаю?

– Ну, их...

– И что вы хотели написать в газету о студентах первого курса исторического факультета Дмитриии Карасеве и Ирине Кириенко? Такого, что не личное?

– Ну... – она даже растерялась. – Как это. Так ведь... Они же исчезли!

– Что значит – исчезли? Вот так вы и написали в том своем материале? Взяли – и исчезли? Раз – и нету? Растворились в воздухе? – смотрел он в ее глаза.

– Ну, почти... Они же не пришли потом. А я..., – она замолчала вдруг.

– Ну? Дальше, дальше. Они не пришли утром на учебу. А вы, значит... Кстати, а вы сами кем им приходитесь?

– Никем.

– Но тогда – откуда вдруг возник такой интерес именно к этой паре?

Дашка молчала. Ну, как ему объяснить, что молодой и скромный первокурсник, не городской какой-то, Димка Карасев очень ей понравился. Ну, просто очень, особенно на фоне разбитных пацанов «с центра». Она и сама была с заводской окраины, и вся ее активность и грубость – оттуда, потому что нельзя быть тютей, нельзя, чтобы на тебе ездили...

И когда он вдруг ушел гулять с Ирккой, которая была старше его на пару лет, то Дашку это просто заело. Наутро она хотела «перехватить» парня, раскрутить и сама с ним прогуляться, а там уж как получится, но он не пришел. Не пришла на занятия и Ирина. Конечно, могли и прогулять – дело-то привычное. Но они не появились и на второй день.

И тогда Дашка провела свое собственное журналистское расследование. Самое настоящее. Она ездила на Гайву, но мать Димки только плакала и говорила, что Дима с кем-то как загулял позавчера, так вот все еще и не вернулся.

Тогда Дашка через секретаршу в деканате узнала адрес Ирины и добралась до ее дома в Мотовилихинском районе. Крутой там квартал, за забором. И там ей пацаны местные, которые все знают, сказали, что Ирина исчезла. И об этом, будто, все тут знают, потому что отец ее бегал с пистолетом. А тут еще все эти истории с исчезновениями людей, о которых говорят в городе на каждом углу... И еще передача по первому каналу прошла про то, как люди исчезают... И у

нее так все сложилось в голове. А у Кириенко в квартире никто не отзывался, а потом Дашку просто стали гонять охранники и грозить звонком в милицию... А она тогда связалась с парнями, которые ходили в Молебку, с «уфологами». И они ей порассказывали про исчезновения там людей и как там все приборы отказывают. А потом и мама Димкина перестала отвечать на звонки... Ну, вот так у нее все и сложилось.

– Молчите..., – вздохнул капитан. – Ну, хорошо. Вот, посмотрите тогда, – он протянул ей какой-то документ.

– Что это?

– Акт вскрытия, к сожалению. Дмитрий Карасев погиб под колесами грузовика на Соликамском тракте. Ночью.

Дашку как кирпичом по голове стукнуло. Тяжесть навалилась сверху, не давая поднять голову, щеки покраснелись, на глаза навернулись слезы. Ей не то чтобы было жалко малознакомого парня, но свой материал, такой логичный, такой выстраданный...

– А Ирка? – просипела она сквозь кашель, внезапно перехвативший горло.

– Вот вода, выпейте. У Ирины Кириенко нервный срыв. Мать увезла ее из города. Вы же знаете, что она уже брала один раз академический отпуск?

– А-а-а... А отец ее? Я же ходила к ним! Там никого не было! – она вспомнила, как никто не отвечал ей ни на звонки телефона, ни на регулярное нажатие кнопки домофона.

– Отец Ирины, полковник Кириенко, недавно погиб при исполнении служебных обязанностей, – он помолчал, глядя на опущенную голову неудавшейся журналистки. – Ну, и что нам теперь с вами делать?

– Я же не знала, – она прошептала это, чувствуя, что если попытается чуть громче, то не выдержит, разрыдается.

– Эх, Дарья Александровна, Дарья Александровна... Даша... Вы же умная, красивая девушка. Ну, чего вас вдруг потянуло на эти «исчезновения», – подчеркнул он интонацией. – Не разобрались. По верхам нахватили. Домыслили. Придумали. Написали. Сдали в газету. А если бы это опубликовали, а? Вы подумайте, подумайте...

– Я не хотела, – и все-таки она не выдержала. Слезы потекли по щекам, размывая несмываемую, если верить рекламе, тушь. Ей так было жалко себя!

Молодой – капитан? он назывался капитаном, вроде? – молча сидел за столом, ожидая возможности продолжения разговора. Наконец, через пару-тройку минут Дашка справилась с собой, достала из рюкзака пачку салфеток, вытерла глаза, высморкалась, подышала тяжело, смотря в сторону. Потом попробовала все же поспорить:

– И что, и вот никаких совсем исчезновений нет в городе? И все врут, значит, люди?

– Ну, почему же. Есть. Каждый год есть. Сотни и тысячи в каждом крупном городе. Но в большинстве случаев находятся вполне объяснимые причины. Раньше или позже находятся. Или раньше, или позже, но все становится понятным и загадки все разгадываются. Вот, как в вашем случае, например. Вы-то сами кого винили в своей статье? Инопланетян, КГБ или медиков?

Дашка опять залилась краской:

– В статье инопланетяне у меня.

– Ну, вот. А у нас против ваших инопланетян – документы. И знаете еще, сколько по весне вытаскивает из-под снега таких «исчезнувших»? Очень это неприятная работа, по весне разбираться, кто и от чего умер зимой. Хорошо, что это не моя работа.

– А что – ваша? – зыркнула Дашка исподлобья.

– А моя – чтобы паники не было. Чтобы вот такие материалы не публиковались. Чтобы людям травмы не наносились моральные. Чтобы такие девочки, как вы, не попадали в историю. Как вы думаете, после такой статьи, если бы она вышла, – что делать маме Димы Карасева? А?

Он помолчал, дописывая что-то в стандартном бланке.

– Вот, подпишите еще здесь. Это протокол беседы. Прочитайте и распишитесь. И тоже в конце – расшифровку подписи подробно.

Дашка пробежала короткий текст о том, что была предупреждена о необходимости более критично относиться к фактам, еще о том, что ей были предъявлены документы, доказывающие ее неправоту, и о том, что она согласилась с этими документами, схватила со стола простую шариковую ручку и быстро подписала.

– Я... Вы понимаете, я же...

– Да, понимаю я все. Но панику вы могли поднять не малую. Причем, совершенно на пустом месте. Ох, Даша, знали бы вы, как теперь трудно работать с вами, журналистами.

Еще через пять минут она стояла на площади, запрокинув голову и лоя горячими щеками редкие снежинки. От предложения «подбросить» ее обратно в редакцию она отказалась, и теперь пошла пешком вниз по проспекту к трамвайной линии, ругая себя, на чем свет стоит. Вот, ведь дурища-то... И она, дура такая, еще Корнилова пугала, что в другую газету отнесет материал. И еще трусом обзывала старика... Надо будет извиниться перед ним, а с ближайшего гонорара купить бутылку «генералу». И попросить у него какую-нибудь настоящую тему. Хватит уже заниматься самодеятельщиной. Надо браться за нормальную работу.

– Вопрос исчерпан, – докладывал в это время капитан непосредственному руководству. – Тема исчезновений на ближайшее время в молодежке закрыта. Мы занимаемся с другими изданиями, радио и телевидением. Так точно. Паники не допустим.

Глава 4

Шпионом обычно называют того, кто добывает информацию о противнике либо различными тайными способами (подсматривание, подслушивание, в том числе с использованием специальных технических средств), либо путём внедрения на стороне противника, то есть представления себя как его сторонника, либо сочетанием обоих этих путей.

В русском языке слово «шпион» имеет негативную коннотацию, связывающую его с неэтичным поведением (подслушивание, подсматривание, вхождение в доверие и злоупотребление им, коварство, обман). Глагол «шпионить», помимо базового значения – «заниматься разведывательной работой», имеет ещё одно: «наблюдать, подсматривать с плохими намерениями».

Материал из Википедии – свободной сетевой энциклопедии

Виктор с самого приезда в этот город чувствовал какую-то странную неуверенность. Буквально с того момента, как он спустился по ступенькам плацкартного вагона, идущего дальше, в нефтяные и газовые места. С момента, когда под толстой подошвой зимних «гриндерсов» хрустнула щебенка, проглядывающая сквозь раздолбанный асфальт на перроне, он чувствовал неудобство и неуверенность. А это был верный знак, что все идет не так, как должно было идти, как надо. Или, что могло быть еще хуже, что его просто ведут.

Он проверялся. Все-таки этому учили их неплохо. Но ни разу не сумел определить слежку. И отсюда вытекало два возможных варианта: во-первых, он мог просто устать и от этого чувствовать какую-то неуверенность и беспокойство, а вот, во-вторых, что хуже всего, он мог быть под полным контролем, когда в слежке участвуют десятки и сотни людей, машин, технических средств. Такую слежку можно определить только со стороны, да и то, имея тоже технические средства и десятки помощников. А он, сам объект слежки, никогда не сумеет показать пальцем на следящего – просто не выделит его из толпы.

Виктор еще раз глянул сквозь стеклянную витрину кафе на Октябрьскую площадь, по которой сплошным потоком сквозь мокрую метель («Вот же погода здесь! То мороз, а то вдруг метель – а снег мокрый!» – подумал он) двигались автомобили, посмотрел направо, откуда при-

шел сам, потом налево, вверх на Компрос («Придумали же, как в столице почти – Твербуль и прочее, но только там так называли в старые хипповские времена, а тут – все говорят Компрос»), слез с высокого стула и побрел на выход.

Со стороны он выглядел, наверное, обыкновенным студентом стоящего через площадь политехнического института. Среднего роста, даже невысокий на фоне сегодняшней молодежи, худощавый. Куртка с капюшоном, перчатки с обрезанными пальцами, теплые черные зимние джинсы с подкладкой, высокие шнурованные ботинки, за плечами плоский рюкзачок – вот только под капюшоном не было видно седины, выдающей его совсем не студенческий возраст. Ну, так, в аналитическом отделе министерства молодых лейтенантов не было. Все были в званиях, все были с опытом, да еще с каким!

В этот город, в Молотов, в очередную командировку, его послали не совсем обычным образом. Комиссия из работников службы собственной безопасности вылетела самолетом за два дня до него. А его, майора Кудряшова Виктора Степановича, старшего специалиста аналитического отдела, пригласили в эту службу телефонным звонком.

Виктор шел вверх по Компросу, автоматически отмечая встречные лица, иногда отворачиваясь от снега, слепящего глаза, и проверяя тех, кто шел сзади, и все раздумывал над событиями, которые не нравились ему с самого начала, а теперь не нравились все больше и больше.

Сам вызов в СБ для любого работника их системы был звоночком: мол, что-то у тебя не так. Однако его из приемной вежливо провели сразу к начальнику, который встретил на середине кабинета, пожал руку, предложил устраиваться за столом, и сам сел напротив. За боковым столом, для совещаний.

– Виктор Степанович, – с ходу начал всегда угрюмый лысый полковник, совсем недавно сменивший ушедшего на пенсию генерала. – Мы очень нуждаемся в вашей голове.

– Ха, – нервно передернул Виктор плечами, – резать будете, да?

– Ха-ха, – так же угрюмо произнес полковник. – Могу еще раз – ха-ха, ха-ха. Нормально так, хватает?

– А вы думаете, когда вызывают к вам – это нормально?

– Ну, если вам нечего бояться – считаю, вполне нормально.

– Ой, да бросьте вы – нечего бояться! Ваша служба, как инквизиция, святее римского папы и выше любого закона. Если надо – у любого грехи найдете.

– Брейк, – поднял ладони перед собой полковник. Он подошел к своему столу, наклонился к микрофону переговорного устройства, и, нажав кнопку, скомандовал:

– Кофе, лимон, коньяк, шоколад. У нас гость.

Полковник, чуть прихрамывающий – говорили, что ранение в ногу он получил на совсем другой работе и по другому ведомству тогда проходил, не успел еще вернуться к боковому столу, как уже открылись высокие светлого дерева двери и плечистый парень в сером костюме вкатил блестящий лакированным деревом («Вот ведь, не нержавейка простая у них,» – подумал еще Виктор, почему-то отметивший это) сервировочный столик, накрытый белой салфеткой с кружевной каймой.

– Спасибо, Алексей. Кстати, познакомьтесь. Алексей – Виктор, – повел рукой полковник.

Они пожали руки, внимательно рассматривая друг друга: если в таком месте предложено познакомиться – это неспроста.

– А теперь, Лёш, организуй нам один час свободы.

– Но, товарищ полковник...

– Час, Лёш, всего один час. Я очень прошу. Возьми все на себя.

Алексей бесшумно притворил за собой дверь, а полковник, откинув салфетку, предложил:

– Ну, Виктор Степанович, по рюмочке, за знакомство?

– В рабочее-то время? – хмыкнул Виктор.

– Вот именно. В рабочее время, в службе собственной безопасности, с ее начальником – коньячок. С лимоном.

– А у вас тут, выходит, можно?

– У нас – можно, – и присел напротив. – Понимаете, у нас с вами всего час. Я, понимаете, на самом деле очень занятой человек. Очень, да. А просто рассказать вам и показать то, что мы знаем, требует гораздо большего времени. Но самое главное: наши оперативники уже на месте, а вот аналитика у нас там надежного нет. Нам действительно нужна ваша голова. И, понимаете, не здесь она нужна, не в Москве, а именно там, чтобы анализ был оперативным, и чтобы опирался анализ не только на данные проверки, и чтобы на этот анализ могли опираться уже дальнейшие действия оперативников.

– Я работаю в другом отделе и специфика наша, знаете ли...

– А вот вам распоряжение о прикомандировании, вот оно у меня, – достал полковник из кожаной папки, лежащей на столе, листок с печатью и знакомой подписью.

– Ну, и зачем тогда были эти игры? Коньяк этот, вызов к вам, предложения, просьбы. Есть команда – я выполняю.

– Понимаете, Виктор Степанович, команда – командой, а вот объяснить вам, что происходит, никто не сможет. И я, похоже, не смогу. Да, да... И еще одно. Мы хотим, чтобы вы там работали под прикрытием.

– Как в кино, прямо... «Агент под прикрытием»... Я же не оперативник, не боец, аналитик я!

Смех смехом, а вот уже третий день Виктор жил в квартире, ключ от которой ему передал Алексей возле камеры хранения на Ярославском вокзале при прощании. И паспорт у него стал другим, с другой пропиской. Листок с новой биографией он прочитал несколько раз и сжег в туалете вагона, в котором сутки ехал до места назначения.

Теперь утром он выходил из дома, раскланиваясь с сидящими во дворе бабушками, и гулял по городу, слушая уже привычный местный быстрый говорок с ударением, повышением тона, на последних словах в фразе. Покупал газеты, осваивал местный транспорт. В первый же день он прокатился на трамвае, а потом на автобусе до самого верха карты, которую купил на площади у вокзала, до северной оконечности города, до пляжей и лодочных станций. А потом в обратную сторону доехал до местного аэропорта, рассматривая дома по сторонам, вслушиваясь в разговоры.

Обедал он, как правило, в самых дешевых кафешках, где собирались местные таксисты, знающие все, что происходит в городе. На ужин брал какую-нибудь шаурму (вот еще интересно: в этом городе продавали шаурму и шаверму, четко разделяя два разных, как тут считалось, продукта), бутылку местного горького пива, и шел к себе в квартиру, окнами на серое здание местного управления КГБ.

«Это специально», – объяснил ему полковник, – «Там, в том квартале, наши зато не лезят. Не их это место».

Закрыв дверь, Виктор включал ноутбук, подключал спецмодем, полученный в Москве, вводил нужные комбинации букв и цифр, выученные наизусть, а в конце прикладывал к панельке большой палец. В закрытом почтовом ящике обнаруживалась очередная порция информации от оперативников, которую он копировал на диск, а потом медленно читал, подчеркивая и выделяя цветом отдельные слова.

Потом был душ. Горячий упругий душ. В душе он не пел. В душе он тоже думал. Черный кофе. Сигарета. Он никак не мог отказаться от курения. Казалось, что с сигаретой пришло какое-то вдохновение. А потом Виктор Степанович Кудряшов, сорокалетний седой майор милиции, аналитик и агент под прикрытием, писал рассказ. Или сказку. Рассказ в этот раз почти всегда получался фантастический. Не очень длинный – две-три странички текста, почти без диалогов. Он никогда не проверял и не правил текст, а тут же отправлял его по электрон-

ной почте в Москву, а потом стирал у себя и рассказ и те данные, которые присылали ему для анализа оперативники.

Рассказы чаще выходили жуткими и трудночитаемыми. К литературе они отношения не имели. Там фигурировали оборотни в милицейских погонах, врачи, похищающие людей на органы, маньяки и серийные убийцы, инопланетяне, сумасшедшие ученые, беспринципные политики, там происходили проколы времени, появлялись старые боги, запертые под уральскими горами... Бред и графомания – так бы оценили это творчество редакторы в любом издательстве. Но он и не собирался отдавать эти рассказы в печать.

Сегодня все было, как всегда. Только поужинал он в этот раз кафе, среди студентов, регулярно отмечающих тут свои успехи. Чем дальше, тем меньше ему хотелось оставаться одному. Хотелось находиться в толпе, с людьми. Информация, которая приходила от оперативников, была непонятной, и от того чуть пугающей. Потому, наверное, и рассказы получались жутковатыми.

Виктор щелкнул по кнопке, отправляя очередное «творение» в эфир, и прислушался. Кто-то, вроде, скребся под дверь. Дверь в квартире была хорошая, бронированная, дорогая. В этом городе таких почти не ставили. Но и квартал тут был не из бедных. Так что сама квартира не слишком выделялась на общем фоне.

Нет, точно кто-то царапается! Он бесшумно встал и сначала подошел к окну. Четвертый этаж – но мало ли что. Под окном, двумя колесами на тротуаре, стоял чей-то джип, и два огонька от сигарет показывали, что он там не просто так стоит.

Так же бесшумно – молодцы ремонтники: полы, как каменные! – он подошел к двери и остановился около нее, вслушиваясь. В замке определенно кто-то ковырялся. Правда, кроме замка, был закрыт внутренний засов, и чтобы выломать такую дверь, надо было применить специальные устройства, вроде гидравлических ножниц, пил по металлу и специальных домкратов. Можно было еще взорвать дверь, но это уже крайний случай – они все же не в Америке!

Виктор вернулся на кухню, два раза щелкнул мышью, отправляя специально оговоренный сигнал и запуская форматирование диска, и стал одеваться снова «по-уличному». Раздался звонок. Виктор затащил шнурки. Второй звонок. Уверенный, долгий.

«Ну, вот и началось», – подумал он.

– Кто там?

– Это ваш участковый, откройте.

В глазке было темно. Знакомое дело.

– Осветите лицо, пожалуйста. Я боюсь.

– У меня нет фонарика.

– Как же я тогда вам открою, если не уверен, что вы – это вы? Хоть зажигалкой щелкните.

– Я не курю.

– Ну, тогда я не открою. Мне страшно, знаете ли.

После короткой паузы из-за двери раздался уже совсем другой голос:

– Виктор Степанович, откройте! Это отдел собственной безопасности главного управления города. Откройте, так будет лучше.

– А откуда я могу знать, что вы не обманываете?

– А вы посмотрите в окно еще раз.

Виктор отошел к окну, отодвинул штору. Под окном вместо джипа уже стоял канаречной расцветки милицейский уазик с включенным в салоне светом, и какой-то чин ласково помахивал ему ладонью – свои, мол.

Экран ноутбука светился белыми буквами на черном фоне. Виктор извлек флешку-модем, наступил на нее ботинком, потоптался, стараясь раздавить если не в пыль, то хотя бы на кусочки. Правда, не было на ней ничего особенного, кроме нескольких программ для уничтожения данных на жестких дисках. Но все равно – порядок есть порядок.

Огляделся еще раз вокруг: ничего не забыл? Вроде, все.

Эх, придется открывать. Но как же они быстро! Всего-то три дня... Профессионалы...

Он вернулся к двери, щелкнул замком, отодвинул засов. Дверь тут же вырвалась из рук, распахнутая наружу, а в квартиру, оттеснив его в сторону, пробежали фигуры в темном с оружием в руках. Один остановился перед Виктором, держа его на прицеле.

– Чисто! – раздался голос из кухни.

– Чисто! – эхом отозвалось из комнаты.

– Здравствуйте, Виктор Степанович, – произнес вошедший следом пожилой человек в штатском. – Что же вы такое натворили, а? У меня вот с собой ордер на обыск. Оружие, наркотики, информацию ненужную – сами сдадите? Или как?

– Да, уж пусть будет – или как. Что я, не понимаю? – криво усмехнулся Виктор.

– Ну, хорошо. Тогда пройдите в комнату и не мешайте обыску. Понятые, прошу...

Обыск был быстрым. На столе в комнате перед понятыми, стреляющими с интересом глазами по сторонам стариками-соседями, были выложены найденные прозрачные пакеты с белым порошком, два пистолета, коробка с патронами, какие-то папки с надписями «Совершенно секретно». Происходила опись изъятого. Какой-то штатский внимательно изучал ноутбук и сотовый телефон.

Виктор смотрел на все это спокойно. Он знал, как все делается.

– Ну, что, Виктор Степанович, поговорим здесь, или поедем сразу в управление? – отпустив расписавшихся в протоколе понятых, спросил командовавший всеми пожилой.

– Вы даже не представились, товарищ подполковник..., – хмыкнул Виктор.

– А зачем? Вы же меня знаете, правда? Вы же всех нас знаете, нет?

– Не всех. Вас и ваших заместителей – знаю. А вот того специалиста – нет.

– Это наш эксперт, вы с ним еще познакомитесь. Ну, так как?

– Поехали, поехали.

– Торопитесь? Думаете, в управление уже позвонили из Москвы? Ну, так наша структура, напоминаю, подчиняется не Москве, а начальнику управления. Пока он завтра получит информацию, пока примет решение... У нас вся ночь впереди. Или все-таки посидим у вас, покурим, кофейку попьем? А?

Виктор с тоской смотрел на подполковника. Ну, не может быть такого, чтобы за всем происходящим в городе стояла именно милиция, не может! Но тогда почему они так себя ведут? Что вообще они хотят? Ночь в СБ... Да, это не праздник. И все же, лучше действовать официально, не поддаваясь на уловки.

– Нет, уж, товарищ подполковник. Будем действовать по закону и по инструкции.

– Ну, по инструкции, значит, по инструкции.

– Руки назад, пожалуйста, – вежливо обратился подошедший к Виктору «эксперт» и ловко защелкнул наручники. – Прошу в машину.

Виктор в последний раз окинул взглядом комнату, увидел какое-то световое пятно на шторе, успел удивиться – ночью, такой яркий свет! Но тут шагнувший вперед эксперт толкнул его в коридор. Вдруг раздался звон стекла, его толкнули еще сильнее, потащили за воротник, прикрывая со спины своими телами, по темной лестнице вниз, в машину – ничком на пол под ноги сидящих на заднем сидении. Машина рванула с места, увозя в управление внутренних дел предположительного торговца наркотиками, вооруженного до зубов и оказавшего сопротивление при задержании.

– Что там твои наколбасили? На военное, блин, производство – спецназ... Стрельба опять же... Наши там чуть не разворотили полпроходной.

– Да это Кириенко, мать его так, совсем с ума сошел из-за своей дочки... Вот и пробил операцию для себя... Кстати, через ваших пробил.

– И что ты теперь в Москву доложишь официально? А?

– В Москву-то? В Москву – ничего... Добавим этих к пропавшим без вести.

– Ну, ни фиги себе масштабы... Пятнадцать человек спецназа одним моментом в расход? Так вот все просто у тебя? Или, что, у вас так много...

– Много. Очень много. Даже и не спрашивай, сколько.

– Так, эти слухи, что у вас по городу...

– Слухи – чепуха. Все гораздо страшнее, если знаешь цифры.

За огромными зеркальными окнами сквозь снежную мусть проглядывал серый неуютный город. Зимой в нем было холодно и промозгло. Ветер нес вдоль реки с севера на юг холодный сырой воздух. Гулять в такую погоду совершенно не хотелось, но гуляющие все равно откуда-то появлялись. А потом вдруг некоторые из них исчезали. И через день-два в милицию несли заявления, которые с середины января, когда пошел настоящий вал исчезновений, стали скапливаться в аналитическом отделе управления, которым еще недавно руководил покойный Кириенко.

Слишком много стало этих заявлений.

Почти сразу после разговора по мобильнику загудел телефон спецсвязи:

– Ну, как там у вас? – басовито, как положено начальству.

– Зима, Петр Иванович...

– Ты мне целочку из себя не строй. Зима... Опять статистику правили? Сколько уже?

– Много. Очень много.

– Порядок цифр назвать можешь?

– Больше тысячи.

– Ух, ё-о-о... Всего за месяц... Мысли какие?

– Работаем, думаем. Аналитики не спят, сводят информацию. Оперативники проверяют версии...

– Помощь нужна?

– Держите прессу. Одна большая просьба к вам: держите вашу прессу. Своих-то, местных, мы придержим. Я очень боюсь настоящей паники.

– Паники он боится... – проворчал недовольно голос в трубке. – Фобия у него такая... Ладно, поможем, чем можем. Но долго так продолжаться не будет, имей в виду. Я жду правдивые цифры по защищенному каналу. Понял? До связи.

– До связи.

Телефон отключился. Начальник городского управления внутренних дел, весь разговор простоявший, опять присел к большому полированному столу, раскрыл папку с выборкой, сделанной аналитическим отделом.

Все случаи исчезновений разобраны по темам на отдельных плотных листах-карточках. Все зарегистрированные случаи.

Вот на этой карточке подборка заявлений по поводу просто не пришедших, не вернувшихся домой с работы или с учебы. Утром позавтракали вместе, попрощались, а вечером – нет их. Раньше тоже такое случалось. Маньяков, бывало, ловили даже в январе, по горячим следам. Засады в парках и подъездах устраивали, у детских садов патрулировали...

Но это сколько же маньяков надо, чтобы больше тысячи человек «заманячить»? Всей областной милиции не хватит ловить и стеречь.

На этом листе, отдельно, так сказать, «квартирники-домушники». Вечером поужинали, разошлись по кроватям, по комнатам. А просыпаются утром – сына нет. Или дочери. Или мужа, жены, матери, сестры... И постель не разобрана. Или даже разобрана она, а – толку? Выходит, в свою комнату вошел, а дальше... А что дальше? Дальше непонятно.

Что там аналитики пишут? А так и пишут: рационального объяснения нет. Честно пишут. Ну, нет у них рационального. Одна фантастика на уме.

И наверняка были случаи, о которых так никто никуда и не сообщил. Есть же просто одиночки, холостые-неженатые. Есть те, кого не ждут никто и нигде... Есть алкоголики, наконец, «синяки», вышедшие за бутылкой и не вернувшиеся. Кто-то из них найдется, как бывало раньше, по весне. Так бывает. Но не столько же!

Местная пресса пока молчит. Но слухи ширятся. Уже в магазинах болтают в очередях о пропажах людей, о милиции и новых репрессиях с ночными арестами, об инопланетянах еще. Да еще и телевидение подгадило. Кто же знал, что так в тему всё пойдет? Теперь, вон, сотни добровольных сыщиков разыскивают по городу врачей-убийц. В некоторых поликлиниках, от греха подальше, персонал просто в отпуске, да в отгулы поразбежался. А на Гайве старое здание поликлиники охрана проспала, не уберегла. Сожгли его ночью. Хорошо, без жертв обошлось. Там-то – без жертв, а Кириенко и сам погиб и других подставил. Врачи здесь не причем, конечно... Но все равно пришлось давать рекомендации негласные, какие-то кабинеты закрывать совсем, где-то посты милиции усилить в регистратурах, а людей лишних нет...

И ведь скоро опять грипп. Он, как всегда, под конец зимы второй раз приходит. И кто будет лечить этих идиотов?

Так, а это еще что такое? Что еще за информация? На нажатие кнопки в кабинете, бесшумно открыв дверь, возник референт с блокнотом в руках.

– Это вот что? – ткнул пальцем, повозив конверт по столу.

– Товарищ генерал, эту информацию аналитический отдел не счел возможным сокращать. Просили просмотреть целиком.

– Это из больнички, что ли?

– Так точно.

– Вот мне еще с психопатами не хватало разбираться..., – недовольно проворчал генерал в штатском. – Ну, включай, показывай.

Референт, мягко ступая по матово блестящему паркету, взял диск, вложил его в раскрытую щель проигрывателя, нажал на кнопку и неслышно скрылся за дверью.

Экран осветился. Запись была черно-белой. Кстати, почему черно-белая? У них техники там не хватает, что ли?

– Не могли бы вы еще раз рассказать, что и как с вами произошло?

– Я уже рассказывал...

– Понимаете, это вы рассказывали в милиции, а они, как вам известно, не специалисты. Я прошу еще раз повторить. Сразу предупреждаю, ведется видеозапись. Камера – вот там.

Человек, которого на экране было видно только со спины, взмахнул карандашом, зажатый как сигарета между двумя пальцами правой руки, показывая, откуда ведется съемка. Сидящий напротив него, поднял голову.

– Итак, было утро...

– Нет, все началось вечером.

– Но вы же пришли в милицию утром?

– А кто мог бы пройти там ночью? Вы смеетесь, что ли?

– Хорошо, хорошо... Итак, вечером... Ну?

– Ну, да. Вечером. Я как раз заступил на пост...

– Извините, перебыю для записи: на какой пост?

– Я не могу подробно... Да еще для записи.

– Но вы хотя бы наметьте. Что это за объект, на котором вы служили?

– На «Звезде».

– А что такое «Звезда»?

– Все в городе знают, что такое «Звезда». А кто не знает, значит, и не положено знать. Спрашивайте лучше обо мне.

– Хорошо, хорошо. О вас. Вы заступили, значит, на пост. В какое время?

– В шестнадцать ноль-ноль. Как обычно, когда вечерняя смена.

– Вы были вооружены?

– А вы думаете, как? На пост – без оружия, что ли?

– Вас осматривал врач перед заступлением на пост?

– Это еще зачем? – непритворное удивление на лице.

– Ну... Водителей в автоколоннах ведь освидетельствуют... А тут оружие – это пострашнее машины...

– Чего страшного? Мы же по улицам с оружием не бегаем.

– Но вот вы-то как раз по улицам...

– Я сам принес пистолет в милицию и сам сдал его на хранение! Сразу же!

– ...Ну, хорошо... Итак, вы заступили на свой пост. И что?

– И ничего. Дежурили себе и дежурили. Люди с объекта ушли. Ночная смена пришла, научники в лаборатории заперлись.

– Это о каком времени мы говорим уже?

– Ну, часов в десять.

– То есть, темно было на улице?

– У нас зимой темно уже с шести...

– Угу. Темно. А вы – на свету?

– Да я, как в стакане, в своей будке. Вокруг стекло, внутри лампа дневная. Сижу, «светлячком» работаю, – усмехнулся хмуро отвечающий и опять бросил взгляд в сторону камеры.

– А дальше, дальше?

– А дальше все я уже рассказывал. Мы по телефону связаны все вместе, и можно, если что случится, смену вызвать, или там подмениться, чтобы перекусить, потому что на посту есть нельзя же...

– Так, так. И?

– Ну, и вот. Я стал звонить, чтобы меня сменили с поста, у меня там в пакете ужин был, жена приготовила.

– А что на ужин-то?

– Ну, там картошка вареная, пара котлеток, термос с чаем, еще чего-то...

– И вот вы звоните, значит... А – кому?

– Ну, так... Начальнику смены. Беляковичу. Он у нас в тот день был.

– И что происходит?

– А ничего не происходит... Никто не отвечает. А этого просто быть не может! Там же начальник с заместителем, там смена дежурная... Человек восемь там должно быть постоянно!

– И что же, шума никакого не было?

– Да, не было шума, не было!

– Что вы стали делать, когда не смогли дозвониться до начальника смены?

– Ну... Это нарушение, конечно...

– Вы понимаете, что о нарушениях уже разговор не идет?

– Ну, мы мобильники-то не сдаем, а с ними ходим, чтобы связь поддерживать. Ну, и вообще...

– То есть, у вас с собой был мобильный телефон. Так?

– Ну, так...

– И что вы сделали?

– Я Сашке позвонил, другу своему. Он на другом углу дежурил.

– Александр – как его по фамилии?

- Корнеев его фамилия. Была.
- Почему – была?
- По кочану...
- Человек замер, угрюмо уставившись на свои руки.
- Еще раз давайте повторим: вы позвонили Александру Корнееву. Так?
- Ну.
- Что он вам ответил?
- Сказал, что от него света не видно в центральном корпусе. Темно.
- Что вы сделали тогда?
- Стал пытаться прозвонить кому-нибудь в центральный корпус, на посты.
- Никто не ответил?
- Никто.
- А потом?
- А потом я позвонил Сашке. Он хотел выйти и дойти до дверей, глянуть внутрь – ему там близко было.
- И что?
- Что, что... «Абонент вне зоны доступа»...
- То есть, его аппарат не отвечал?
- Я же говорю – вне зоны доступа.
- А до этого он отвечал...
- Вот именно. А потом никто не отвечал.
- И вы думаете...
- Ничего я не думаю! Чего тут думать? Научники какую-то хрень намудрили опять, а ребята пропали...
- А вы, значит...
- Я дальше всех был, на самом углу. А как рассвело – за помощью. И с тех пор вот у вас. Все спрашивают, спрашивают, спрашивают... А посмотреть самим? Съездить и посмотреть?
- Да, понимаете ли, мы бы с удовольствием посмотрели. Только, понимаете, одна проблема у нас: никакого секретного объекта «Звезда» в нашем городе нет.
- А в каком я городе?
- Запись закончилась. На экране пошла белая муть.
- По звонку опять появился референт:
- Слушаю, товарищ генерал?
- В какое отделение милиции он сдавался?
- Ни в какое.
- Не понял... Он же из милиции попал в психушку?
- Говорят, что привезли на машине оттуда, из милиции. Но в журнале не зафиксировано номера отделения, нет фамилий сопровождавших. И у нас нет данных о сданном на хранение оружии. Оперативники пытаются разобраться, опрашивают персонал.
- Это все, – ткнул пальцем в экран начальник управления, – когда было?
- Съёмка трехдневной давности, товарищ генерал.
- Угу... Три дня, значит – и ничего?
- Ничего.
- Мистика какая-то. И что аналитики? Опять говорят, что, как там у них..., – он заглянул в бумаги. – Рационального объяснения нет?
- Попросят вас через Москву на всякий случай...
- Что – через Москву? Что – через Москву? – встал из-за стола генерал в штатском. – Они понимают, что Москве дай только повод, зацепку любую... И что я их спрошу? Мол, у нас в психушке больной, утверждающий, что сдал пистолет в нашу милицию? А мы найти не можем?

Он встал у окна, кинул через плечо:

– Идите.

– Есть!

– Стоп! Диск вернуть аналитикам. Пусть привлекают, кого сочтут нужным. Разбираться надо. Мало ли, может и правда эти, как он там сказал, «научники» намудрили.

– Есть!

Легкий щелчок замка подтвердил, что дверь закрыта.

Сцепив руки за спиной, покачиваясь, перекатываясь с каблука на носок и обратно, начальник управления смотрел на вьюжный город за стеклом. Его задачей, как он ее понимал, было сохранение порядка и спокойствия в городе. Поддержание общественной безопасности на должном уровне. А какой может быть уровень, если станет известным истинный масштаб происходящего? Ну, если станет известным в городе... Паника, толпы на вокзале, штурмующие поезда, пробки на выезде из города... Зимой, через лес. Нет, этого допускать никак нельзя.

А если узнает Москва? Не его непосредственный начальник, старый служака, все понимающий в их работе, а политики гребаные? Армия? КГБ? Хотя, эти, наверное, и так все знают. У них своя информация и своя статистика.

Он смотрел в темное стекло и убеждал себя:

«Я все делаю правильно. Мы всё делаем правильно. Нельзя допустить паники. И нельзя допустить, чтобы решение принимали в верхах. Необходимо просто закрыть город. Отсечь информацию. Не выпускать ее в центр. Нам здесь виднее».

Глава 5

Я, честно говоря – шокирован. Настолько реально и просто. Оно ведёт себя очень разумно, вначале скачет, как мячик на резинке, а потом начинает манёвры, то влево, то вправо. Расстояние до объекта – примерно 350-400 метров. Такого видео я ещё не встречал... Объект имел форму правильной сферы. Наличие чёрного цвета, в который была окрашена сфера – подтвердил местный житель В, сделавший съёмку. В. пришёл на это место один, чтобы снять на видео кедровое дерево – единственное в этом районе. Камеру он позаимствовал у своего знакомого, только на время съёмки. Отсняв минут пять видеоизображения, В. вдруг заметил недалеко от себя какое-то движение. Когда он понял, что это НЛО-объект, немного растерявшись, стал наблюдать за ним.

С Интернет-форума, посвященному съёмкам НЛО в Молотовской области

Три Александра, три Сашки, старые товарищи и давние партнеры по преферансу, сидели вокруг треугольного журнального столика, приобретенного самым младшим из них именно за его такую удобную форму. Раздачи с самого начала шли скучные, потому что карты были давно «наигранными», сто раз перемешанными. Тут ни с того ни с сего мизер или десятку не закажешь. Тут только потихоньку, под разговоры неспешные, под пиво, под гренки чесночные, еще горячие, только со сковородки.

Не покупали они всякие магазинные сухарики. Все делалось просто: буханку черного рубили кубиками с палец толщиной, в сковороду щедро лилось подсолнечное масло – то, что неочищенное, с сильным запахом семечек, в масло шипящее и брызгающее высыпался хлеб, а сверху выдавливалось несколько зубчиков чеснока. Оставалось помешивать, чтобы не получились совсем угольки, да подсаливать. А как только – так сразу в миску, и на край стола, чтобы любой мог дотянуться. Ну, и еще можно пару луковок порубить дольками и солью же посыпать на отдельном блюде. И хрустко и едко, и полезно против гриппов разных.

Друзья в последнее время собирались не часто, примерно раз в две недели, иногда раз в месяц. Двое были давно женаты, и им приходилось преодолевать нешуточное «семейное сопро-

тивление», чтобы вырваться в чисто мужской коллектив. Третий, у которого сегодня как раз и сидели, был с недавнего времени в разводе, какое-то время крепко пил по этому поводу, но, вроде, постепенно входил в нормальную колею, и эти посиделки должны были еще больше ему помочь, как считали друзья.

– Пас.

– Двое нас.

– Распасы, значит, опять? Ну, попробуем, попробуем, – бурчал только что раздавший карты Сашка-капитан. Невысокий, рыжий, крепко сбитый, весь свинцовый какой-то, тяжелый на вид, он служил в спецназе УИН, регулярно выезжал из города в служебные командировки, после которых замыкался, пил водку, а потом вызванивал друзей, чтобы просто посидеть в компании, покидать карты, попить пива, поболтать ни о чем, отойти душой. Работой, орденами, медалями не хвастался. Просто о жизни поговорить, о семье, о детях...

– А вот так если? Кстати, а что там за слухи идут по городу, ребята? У меня в школе училки самые старые про новые репрессии сплетничают. Говорят, людей уже по спискам вывозят... По ночам, естественно, – смотря в свои карты, нейтрально бросил реплику Сашка-учитель, хозяин квартиры.

– Брехня-а-а-а..., – протянул третий Сашка, который работал участковым. – Дама!

– Да, что брехня, это ясно. А что там на самом-то деле творится? Или совсем-совсем все – брехня?

– Да почти все – брехня, что эти бабы треплют... Оп-па... А пиво-то у нас, того – закончилось. Вот это – факт.

– Это потому что слишком медленно сегодня играем... Я говорил, надо новую колоду купить!

– Так, и принес бы сам! Он говорил, он говорил... Командир, блин.

– Мужики, ну, я же прямо с работы. У нас там карт не продают. Так что, извините.

– Ну, и ладно. Пусть себе – долго. Спешить ты куда сегодня, что ли?

– Да, нет. До понедельника я совершенно свободен, – хохотнул Сашка-учитель.

– А раз так – тогда тебе за пивом. И вот эти вот, кстати – тоже все твои взятки. Смотри, смотри.

– Во, подсадили опять, гады. Надо было мне шестерную заказывать и без двух уходить – меньше была бы гора... Да, кстати, а почему это – мне за пивом?

– По возрасту, мила-а-ай, по возрасту, – пропел довольно капитан. – И по званию. Ты у нас кто – старлей в запасе? Ну вот. Пару полторашек «Рифея» в киоске возьми, а мы пока покурим у тебя на кухне.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.